

КАРЛ ЯСПЕРС

СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ

ИСТОКИ ИСТОРИИ И ЕЕ ЦЕЛЬ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История человечества в значительной степени исчезла из нашей памяти. Лишь исследовательские поиски в какой-то мере приближают нас к ней.

Глубина длительной доистории - всеобщей основы,- по существу, не проясняется тусклым светом нашего знания. Данные исторического времени - времени письменной документации - случайны и неполны, число источников растет, лишь начиная с XVI в. Будущее неопределенно, это область беспредельных возможностей.

Между безмерной доисторией и неизмеримостью будущего лежат 5000 лет известной нам истории, ничтожный отрезок необозримого существования человека. Эта история открыта в прошлое и будущее. Ее нельзя ограничить ни с той, ни с другой стороны, чтобы обрести тем самым замкнутую картину, полный самодовлеющий ее образ.

В этой истории находимся мы и наше время. Оно становится бессмысленным, если его заключают в узкие рамки сегодняшнего дня, сводят к настоящему. Цель моей книги - содействовать углублению нашего сознания современности.

Настоящее совершается на основе исторического прошлого, воздействие которого мы ощущаем в себе; поэтому первая часть книги посвящена предшествовавшей нам мировой истории.

С другой стороны, свершение настоящего определяется и скрытым в нем будущим, ростки которого мы, принимая или отвергая, считаем своими.

Во второй части книги мы пытаемся говорить о настоящем и будущем.

Но свершенное настоящее заставляет нас заглянуть в вечные истоки. Пребывая в истории, выйти за пределы всего исторического, достигнуть всеобъемлющего; это - последнее, что недоступно нашему мышлению, но коснуться чего мы все-таки можем. Цель третьей части - пояснить смысл истории.

Карл Ясперс

Базель, август 1948

* Текст приводится по изданию:

Ясперс К. *Смысл и назначение истории.* М.: Республика, 1994. (Мыслители XX века). С. 28-92, 253-271.

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

По широте и глубине перемен во всей человеческой жизни нашей эпохе принадлежит решающее значение. Лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в настоящее время.

Взор, обращенный в прошлое, погружает нас в тайну человеческого бытия. То, что у нас вообще есть история; что история сделала нас такими, какими мы кажемся сегодня; что продолжительность этой истории до настоящего момента сравнительно очень невелика,- все это заставляет нас задать ряд вопросов. Откуда это? Куда это ведет? Что это означает?

Человек издавна создавал для себя картину универсума: сначала в виде мифов (в теогониях и космогониях, где человеку отведено определенное место), затем калейдоскопа божественных деяний, движущих политическими судьбами мира (видение истории пророками), еще позже-данного в откровении целостного понимания истории от сотворения мира и грехопадения человека до конца мира и страшного суда (Августин*).

Принципиально иным становится историческое сознание с того момента, как начинает опираться на эмпирические данные и только на них. Такая попытка проявляется уже в легендах о возникновении культуры из мира природы, распространившихся повсюду - от Китая до стран Запада. Сегодня реальный горизонт истории необычайно расширился. Библейское ограничение во времени - 6000-летнее существование мира - устранено. Перед нами разверзлась пропасть прошлого и будущего. Исследователи ищут в прошлом следы исторических событий, документы и памятники былых времен.

Эмпирическая картина истории перед лицом этого необозримого многообразия может свестись к простому выявлению отдельных закономерностей и нескончаемому описанию множества событий: одно и то же повторяется, в различном обнаруживается подобное; существуют различные структуры политической власти в ти-

29

пичной последовательности их форм, существует также их историческое взаимопересечение; в сфере духовного существует равномерное чередование стилей и сглаживание неравномерностей длительности.

Но можно стремиться и к сознанию единой обобщающей картины мира в ее целостности: тогда выявляется наличие различных культурных сфер и их развитие; они рассматриваются отдельно и во взаимодействии; постигается их общность в постановке смысловых проблем и возможность их взаимопонимания; и наконец, разрабатывается некое смысловое единство, в котором все это многообразие обретает свое место (Гегель) (1).

Каждый, кто обращается к истории, невольно приходит к этим универсальным воззрениям, превращающим историю в некое единство. Эти воззрения могут быть не критичными, более того, неосознанными и поэтому непроверенными. В историческом мышлении они обычно являются само собой разумеющимися предпосылками.

Так, в XIX в. мировой историей считалось только то, что после предварительных стадий - Египта и Месопотамии - произошло в Греции и Палестине и привело к нашему времени; все прочее относили к этнографии и выносили за рамки подлинной истории. Всемирная история была историей Запада (Ранке*).

Напротив, позитивизм XIX в. требовал равных прав для всех людей. История есть там, где живут люди. Мировая история охватывает во времени и пространстве весь земной шар. По своему пространственному распределению она упорядочивается гео-

графически (Гельмольт *). История была повсюду. Борьба суданских негров в историческом плане столь же значима, как Марафон и Саламин*, и, пожалуй, даже превосходит их по числу участвовавших в ней людей.

Благодаря вычленению в истории целостных культур вновь стали уделять внимание соотношению рангов и структур (2).

Из чисто природного человеческого существования вырастают наподобие организмов - так гласит это воззрение - культуры, как самостоятельные формы жизни, имеющие начало и конец; они ни в коей мере не взаимосвязаны, но иногда могут соприкасаться и мешать друг другу. Шпенглер насчитывает 8, Тойнби - 21 подобное историческое образование *. Шпенглер определяет время существования культуры в тысячу лет, Тойнби не считает, что оно может быть точно определено. Согласно Шпенглеру, существование каждой такой культурной целостности определяется необходимостью некоего тотального процесса; закономерность метаморфозы, возможно, морфологически вывести, сопоставляя аналогичные фазы различных культур; в физиогномическом образе ему все представляется символом. Тойнби проводит многостороннее исследование социологических аспектов причинных связей. Он оставляет место для свободного выбора человека, но, несмотря на это, целое в его концепции предстает как некий необходимый процесс. Основываясь на своих концепциях истории

30

как целостности, оба названных исследователя прогнозируют будущее (3).

Оригинальную всеохватывающую картину исторического развития дал в нашу эпоху - помимо Шпенглера и Тойнби - Альфред Вебер*. Его концепция универсальной истории, культурная социология, остается по существу очень открытой, несмотря на склонность делать предметом познания культуру как целостность. Тонкая историческая интуиция и безошибочное чутье в определении ранга духовных творений позволяют ему нарисовать процесс исторического развития, не возводя в принцип ни тезис о рассеянных, не соотносящихся друг с другом культурных организмах, ни единство/человеческой истории как таковой. В его концепции, по существу, представлен всемирно-исторический процесс, который он расчленяет на первичные культуры, вторичные культуры первой и второй ступени и доводит до истории западноевропейской экспансии, идущей с 1500 г.

Не считая нужным более подробно останавливаться на этих воззрениях, я попытаюсь в свою очередь набросать схему некой целостной исторической картины.

При создании этой схемы я исходил из уверенности, что человечество имеет единые истоки и общую цель. Эти истоки и эта цель нам неизвестны, во всяком случае, в виде достоверного знания. Они ощутимы лишь в мерцании многозначных символов. Наше существование ограничено ими. В философском осмыслении мы пытаемся приблизиться к тому и другому, к истокам и к цели.

Все мы, люди, происходим от Адама, все мы связаны родством, созданы, Богом по образу и подобию Его.

Вначале, у истоков, откровение бытия было непосредственной данностью. Грехопадение открыло перед нами путь, на котором познание и имеющая конечный характер практика, направленная на временные цели, позволили нам достигнуть ясности.

На завершающей стадии мы вступаем в сферу гармонического созвучия душ, в царство вечных духов, где мы созерцаем друг друга в любви и в безграничном понимании.

Все это символы, а не реальности. Смысл же доступной эмпирическому познанию мировой истории - независимо от того, присущ ли он ей самой или привнесен в нее нами, людьми,- мы постигаем, только подчинив ее идее исторической целостности. Эмпирические данные мы рассматриваем под углом зрения того, насколько они соответствуют идее единства или противоречат ей.

И тогда перед нашим взором разворачивается такая картина исторического развития, в которой к истории относится все то, что, во-первых, будучи неповторимым,

прочно занимает свое место в едином, единственном, процессе человеческой истории и, во-вторых, является реальным и необходимым во взаимосвязи и последовательности человеческого бытия.

Попытаемся же наметить такую схему, где структура мировой истории будет отражена с наибольшей полнотой и с сохранением ее безусловного единства.

31

I. ОСЕВОЕ ВРЕМЯ

На Западе философия истории возникла на основе христианского вероучения. В грандиозных творениях от Августина до Гегеля эта вера видела поступь Бога в истории. Моменты божественного откровения знаменуют собой решительные повороты в потоке событий. Так, еще Гегель говорил: весь исторический процесс движется к Христу и идет от него. Явление Сына Божьего есть ось мировой истории. Ежедневным подтверждением этой христианской структуры мировой истории служит наше летоисчисление.

Между тем христианская вера - это лишь одна вера, а не вера всего человечества. Недостаток ее в том, что подобное понимание мировой истории представляется убедительным лишь верующему христианину. Более того, и на Западе христианин не связывает свое эмпирическое постижение истории с этой верой. Догмат веры не является для него тезисом эмпирического истолкования действительного исторического процесса. И для христианина священная история отделяется по своему смысловому значению от светской истории. И верующий христианин мог подвергнуть анализу саму христианскую традицию, как любой другой эмпирический объект.

Ось мировой истории, если она вообще существует, может быть обнаружена только эмпирически, как факт, значимый для всех людей, в том числе и для христиан. Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть; где с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое, независимо от определенного религиозного содержания, могло стать настолько убедительным - если не своей эмпирической неопровержимостью, то во всяком случае некоей эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще, - что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости. Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем.

1. Характеристика осевого времени

В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других *. В Индии возникли Упанишады, жил Будда*; в философии - в Индии, как и в Китае, - были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране

32

Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки - Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции - это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда*. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга.

Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира.

Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт. Испытывались самые противоречивые возможности. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая и в противоречивости своих частей сохраняла их взаимообусловленность,- все это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом.

В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности.

Этот процесс заставил многих пересмотреть, поставить под вопрос, подвергнуть анализу все бессознательно принятые ранее воззрения, обычаи и условия. Все это вовлечено в водоворот. В той мере, в какой воспринятая в традиции прошлого субстанция была еще жива и действенна, ее явления прояснялись, и она тем самым преображалась.

Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец. Основные идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. «Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Миф же стал материалом для языка, который теперь уже выражал не его истинное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф, как таковой, уничтожал-

33

ся, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания.

Все эти изменения в человеческом бытии можно назвать одухотворением: твердые изначальные устои жизни начинают колебаться, покой полярностей сменяется беспокойством противоречий и антиномий. Человек уже не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя, и поэтому открыт для новых безграничных возможностей. Он способен теперь слышать и понимать то, о чем до этого момента никто не спрашивал и что никто не возвещал. Неслышанное становится очевидным. Вместе с ощущением мира и самого себя человек начинает ощущать и бытие, но не полностью: этот вопрос остается.

Впервые появились философы. Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе. Отшельники и странствующие мыслители Китая, аскеты Индии, философы Греции и пророки Израиля близки по своей сущности, как бы они ни отличались друг от друга по своей вере, содержанию и внутренней структуре своего учения. Человек может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой.

В спекулятивном мышлении он возносится до самого бытия, которое постигается без раздвоения, в исчезновении субъекта и объекта, в слиянии противоречий. То, что в

высочайшем порыве познается как возвращение к самому себе в бытии или как *unī mystica* (мистическое единство, лат), как единение с божеством или как ощущение себя орудием воли Божьей, в объективирующем, спекулятивном мышлении выражается таким образом, что допускает двойственное или даже ложное истолкование.

Это - подлинный человек, который, будучи связан и скрыт плотью, скован своими влечениями, лишь смутно осознавая самого себя, стремится к освобождению и спасению и действительно способен обрести его уже в этом мире в порыве вознесения к идее, в несокрушимом спокойствии души, в медитации, в понимании того, что он сам и весь мир есть Атман, в состоянии нирваны, в единении с Дао или в покорности воле Божьей *. По своей настроенности и по содержанию веры эти пути к спасению сильно отличаются друг от друга, но общее здесь то, что человек выходит за пределы своего индивидуального существования, сознавая свое место в целостности бытия, что он вступает на путь, пройти который он должен в качестве данной индивидуальности. Он может отказаться от всех мирских благ, уйти в пустыню, в лес, в горы; став отшельником, познать творческую силу одиночества и вернуться в мир обладателем знания, мудрецом, пророком. В осевое

34

время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью.

То, что достигается отдельным человеком, отнюдь не становится общим достоянием. В те времена дистанция между вершинами человеческих возможностей и массой была чрезвычайно велика. Однако то, чем становится единичный человек, косвенным образом изменяет всех людей. Человечество в целом совершает скачок.

Новому духовному миру соответствует определенное социальное устройство, аналогичные черты которого мы обнаруживаем во всех трех рассматриваемых здесь областях. В этот период существовало множество мелких государств и городов, шла борьба всех против всех, и при этом оказалось возможным поразительное процветание, рост могущества и богатства. В Китае при слабых правителях династии Чжоу * маленькие государства и города жили своей суверенной жизнью, процесс политического развития вел к увеличению одних мелких государств за счет других мелких государств, подчинившихся им. В Элладе и на Ближнем Востоке мелкие государства жили своей независимой от какого-либо центра жизнью, даже те, которые находились под властью Персии. В Индии существовало множество государств и самостоятельных городов.

Постоянное общение способствовало интенсивному духовному движению в каждом из трех миров. Китайские философы (Конфуций, Мо-цзы и другие) странствовали, чтобы встретиться друг с другом в знаменитых, благотворных для духовной жизни центрах (они основывали школы, которые синологи называют академиями) совершенно так же, как странствовали софисты и философы Эллады и как всю свою жизнь странствовал Будда.

Прежде духовное состояние людей было сравнительно неизменным, в нем, несмотря на катастрофы, будучи ограниченным по своему горизонту, все повторялось в незаметном и очень медленном духовном течении, которое не осознавалось и поэтому не познавалось. Теперь же, напротив, напряжение растет и становится основой бурного, стремительного движения.

И это движение осознается - человеческое существование в качестве истории становится теперь предметом размышлений. Люди ощущают, знают, что в их время, в настоящем, начинается нечто исключительное. А это, в свою очередь, ведет к осознанию того, что данному настоящему предшествовало бесконечное прошлое. Уже на ранней стадии такого пробуждения собственно человеческого духа человек преисполнен воспоминаний; у него создается впечатление, что он живет на поздней стадии развития, более того, в период упадка.

Люди ощущают близость катастрофы, стремятся помочь пониманием, воспитанием, введением реформ. Планируя, они пыта-

ются овладеть ходом событий, восстановить необходимые условия или создать новые. История в ее целостности мыслится как последовательная смена различных образов мира: либо в сторону постоянного ухудшения, либо как круговорот или подъем. Создаются теории, которые должны определить, как наилучшим образом устроить совместную жизнь людей, управлять и править ими. Реформаторские идеи подчиняют себе деятельность людей. Философы переходят из государства в государство, выступают как советники и учителя, их презирают и вместе с тем ищут, они полемизируют и соревнуются друг с другом. В социологическом аспекте существует прямая аналогия между неудачами Конфуция при императорском дворе государства Вэй и Платона в Сиракузах*, между школой Конфуция, где воспитывались будущие государственные деятели, и академией Платона, которая ставила перед собой ту же цель.

Эпоха, в которой все это происходило на протяжении веков, не была периодом простого поступательного развития. Это было время уничтожения и созидания одновременно. И завершения достигнуто не было. Высшие возможности мышления и практики, получившие свое осуществление в отдельных личностях, не стали общим достоянием, ибо большинство людей не могло следовать по этому пути. То, что вначале было в этом движении свободой, стало в конечном итоге анархией. И когда эта эпоха лишилась творческого начала, в трех областях культуры было произведено фиксирование концептуальных воззрений и их нивелирование. Из беспорядка, ставшего невыносимым, возникло тяготение к новому единению в деле воссоздания прочных условий жизни.

Завершение носит прежде всего политический характер. Почти одновременно в ходе завоевания насильственно создаются большие могущественные империи - в Китае (Цинь Ши-Хуанди), в Индии (династия Маурья), на Западе (эллинистические государства и *imperium Romanum* (Римская империя (лат.)). Повсюду, возникая из руин, складывался прежде всего технически и организационно планомерный порядок.

Однако повсюду сохранилось воспоминание о духе предшествующей эпохи. Он стал образцом и объектом почитания. Его творения и великие люди стояли у всех перед глазами и определяли содержание обучения и воспитания (династия Хань конструировала конфуцианство, Ашока - буддизм, эпоха Августа - эллинистическо-римскую образованность).

Предполагалось, что сложившиеся в конце осевого времени мировые империи будут существовать вечно. Однако их стабильность была иллюзорной. Если по сравнению с государственными образованиями осевого времени существование этих империй и было достаточно длительным, то в конечном итоге они также пришли в упадок и распались. Последующие тысячелетия принесли большие изменения. В этом аспекте гибель и возрождение вели-

ких империй составляли историю послеосевого времени, продолжали историю великих культур древности, которая длилась много тысячелетий; однако различие заключалось в том, что возникшее в осевое время духовное напряжение с той поры не переставало оказывать свое воздействие на людей, придавая их деятельности новую неопределенность и новое значение.

2. Попытка наметить структуру мировой истории, отправляясь от осевого времени

Ряд приведенных мною соображений недостаточен для решающего обоснования истинности исторического воззрения. Дать ясность этому тезису - или привести к отказу от него - может только отчетливое представление о всей совокупности исторических данных. Создать его одна небольшая книга не может.

Мои указания - не более чем постановка вопроса и предложение проверить значимость этого тезиса.

Если мы сочтем его истинным, то окажется, что осевое время как бы проливает свет на всю историю человечества, причем таким образом, что вырисовывается нечто, подобное структуре мировой истории. Попытаюсь наметить эту структуру:

1. Осевое время знаменует собой исчезновение великих, культур древности, существовавших тысячелетиями. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им гибнуть - независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы. Все то, что существовало до осевого времени, пусть оно даже было величественным, подобно вавилонской, египетской, индийской или китайской культуре, воспринимается как нечто дремлющее, не пробудившееся. Древние культуры продолжают существовать лишь в тех своих элементах, которые вошли в осевое время, восприняты новым началом. По сравнению с ясной человеческой сущностью осевого времени предшествующие ему древние культуры как бы скрыты под некоей своеобразной пеленой, будто человек того времени еще не достиг подлинного самосознания. Этого не меняет ряд таких поразительных по своей глубине, но не оказавших серьезного влияния свидетельств, которые мы обнаруживаем в Египте («Разговор утомленного жизнью со своей душой») *, в вавилонских покаянных псалмах и в эпосе о Гильгамеше *. Монументальность в религии, в религиозном искусстве и в соответствующих им огромных авторитарных государственных образованиях была для людей осевого периода предметом благоговения и восхищения, подчас даже образцом (например, для Конфуция, Платона), но таким образом, что смысл этих образцов в новом восприятии совершенно менялся.

Так, идея империи, которая к концу осевого времени вновь обретает силу и в политическом отношении завершает этот период, заимствована у великих культур древности. Однако если перво-

37

начально эта идея была творческим принципом культуры, то теперь она становится принципом консервации и стабилизации гибнущей культуры. Создается впечатление, будто принцип, который некогда служил импульсом развития, принцип, фактически деспотичный, теперь вновь утверждается, но уже в качестве осознанно деспотического, и, замораживая общество, ведет к окостенению и застылости.

2. Тем, что свершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живет вплоть до сего дня. В каждом своем порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспаляются идеями той эпохи. С тех пор принято считать, что воспоминание и возрождение возможностей осевого времени - Ренессанс - ведет к духовному подъему. Возврат к этому началу - постоянно повторяющееся явление в Китае, Индии и на Западе.

3. Вначале осевое время ограничено в пространственном отношении, но исторически оно становится всеохватывающим. Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне «природного» существования, их жизнь неисторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков. Люди вне трех сфер, составляющих осевое время, либо остались в стороне, либо вошли в соприкосновение с каким-либо из этих трех центров духовного излучения. В последнем случае они вошли в историю! Так, в орбиту осевого времени были втянуты на Западе германские и славянские народы, на Востоке - японцы, малайцы и сиамцы. Для многих пребывавших на уровне природного существования народов такого рода соприкосновение означало вымирание. Все жившие после осевого времени люди остались на уровне первобытных народов либо приняли участие в новом движении - единственном, имевшем основополагающее значение. Первобытные народы в период, когда уже существует история, являют собой пережиток доистории, сфера которой все время со-

кращается вплоть до того момента, когда она - и это происходит только теперь - полностью исчезает.

4. Между тремя сферами, о которых здесь идет речь, возможно - если они соприкасаются - глубокое взаимопонимание. Встречаясь, они осознают, что в каждом из них речь идет об одном и том же. При всей отдаленности они поражают своим сходством. Правда, здесь нет того, что доступно объективации как общезначимая истина (впрочем, это вообще возможно только в строгой, методически продуманной науке, которая способна без какого-либо преобразования распространиться на весь мир и призывает всех к соучастию); однако то подлинное и безусловно истинное, чем мы, люди, черпая из различных источников, живем в нашей истории, соотносится друг с другом и распознается в разных культурах.

Все это можно резюмировать следующим образом: осевое время, принятое за отправную точку, определяет вопросы и масштабы, прилагаемые ко всему предшествующему и последующему

38

развитию. Предшествующие ему великие культуры древности теряют свою специфику. Народы, которые были их носителями, становятся для нас неразличимыми по мере того, как они примыкают к движению осевого времени. Доисторические народы остаются доисторическими вплоть до того времени, пока они не растворяются в историческом развитии, идущем от осевого времени; в противном случае они вымирают. Осевое время ассимилирует все остальное. Если отпавляться от него, то мировая история обретает структуру и единство, способные сохраниться во времени, и, во всяком случае, сохранившиеся до сего дня.

3. Проверка тезиса: осевое время

Подтверждается ли это фактами? Наиболее ранние, известные мне соображения по этому вопросу можно найти у Э. Лазо и В. Штрауса *.

Э. Лазо пишет: «Не может быть случайностью, что почти одновременно за 600 лет до н. э. в качестве реформаторов народной религии выступили в Персии Заратустра, в Индии - Гаутама Будда, в Китае - Конфуций, у иудеев - пророки, в Риме - царь Нума, а в Элладе - первые философы ионийцы, дорийцы, элеаты» (4).

В. Штраус в своем замечательном комментарии к Лао-цзы утверждает: «В эпоху, когда в Китае жили Лао-цзы и Кун-цзы, все культурные народы были охвачены своеобразным духовным течением. В Израиле - это время пророков - Иеремии, Аввакума, Даниила, Иезекииля; в последующем поколении был воздвигнут второй храм в Иерусалиме (521-516). В Греции еще жил Фалес, выступили со своими учениями Анаксимандр, Пифагор, Гераклит, Ксенофонт, родился Парменид. В Персии произошла, по видимому, серьезная реформация древнего учения Заратустры. А в Индии выступил Шакья-Муни, основатель буддизма» (5).

Впоследствии об этом обстоятельстве время от времени упоминалось, но всегда вскользь. Насколько мне известно, попытка понять эти явления в их совокупности и тем самым установить параллельность в универсальном развитии, охватывающем все духовное бытие тогдашнего человечества, ни разу не делалась.

Приведем возможные возражения против нашего построения.

1. Одно из них сводится к тому, что общность рассматриваемых явлений иллюзорна. Различия якобы столь велики - различие в языках, расах, типах государственных образований, в памяти об историческом прошлом, - что все общие черты производят впечатление чего-то случайного. Каждая определенная формулировка общности в целом может быть опровергнута фактами. Иногда прибегают к тривиальному утверждению, что, по существу, уже все всегда было в виде попыток или возможностей. В реализации общечеловеческого предназначения различия составляют, согласно этому взгляду, существенное, своеобразное, историческое, а целое никогда не может быть достигнуто

как некое единство, разве только в неисторических общих свойствах человеческого существования.

На это можно возразить следующее: в осевое время основным является именно общее в историческом развитии, прорыв к сохранившимся по сей день принципам человеческой жизни в пограничной ситуации. Здесь существенно именно то общее, что не возникает повсеместно на земном шаре как следствие человеческой природы, а исторически свойственно лишь этим трем истокам внутри узкого пространства. Вопрос состоит в том, не становится ли по мере роста нашего знания на фоне бесспорных различий все более очевидной глубина этого общего. Если это так, то совпадение во времени станет неоспоримым фактом, тем более для нас удивительным, чем яснее мы его осознаем. Убедительно это можно показать только на большом материале.

2. Дальнейшее возражение. Осевое время вообще не фактическая данность, а результат оценочного суждения. Чрезмерно высокая оценка творений этого периода основана на предвзятом мнении.

На это можно возразить: в области духовных явлений фактической данностью может быть только понимание смысла. Понимание же по своей природе всегда связано с оценкой. Историческое представление эмпирически всегда основано, правда, на совокупности отдельных, объединенных друг с другом фактов, но складывается не только из них. Лишь понимание дает нам представление как об историческом духе вообще, так и об осевом времени в частности. И это представление есть одновременно и понимание, и оценка, оно составляет наше эмоциональное восприятие, поскольку речь идет о нас самих, нас непосредственно касается, и не только как прошлое, которое мы постигаем в его прежнем воздействии, но как такое прошлое, чье дальнейшее, постоянно возобновляющееся воздействие не поддается предвидению.

Поэтому органом исторического исследования является человек в целом. «Каждый видит то, что заключено в его душе». Источник понимания создает наше присутствие в настоящем, «здесь и теперь» наша единственная действительность. Поэтому чем сильнее наш душевный порыв, тем отчетливее предстает нам осевое время.

Если иерархия исторических данных постигается только в соответствии с субъективным существованием человека, то эта субъективность гаснет не в объективности чисто предметного мира, но в объективности совместного видения неким сообществом, которое человек ищет, если он не чувствует себя его членом, ибо истинно то, что нас объединяет.

Осевое время будет постигнуто нами сообща в его значении и в нерасторжимой от этого постижения оценке и когда-нибудь обретет значение в качестве такового для человечества в целом - таков мой тезис, который по самой своей природе не может быть

40

неопровержимо доказан, но может быть убедительно подтвержден по мере расширения и углубления воззрений людей.

3. Следующее возражение. Выявленная нами параллель не носит исторического характера, ибо то, что близко друг другу в духовном отношении, не входит в единый исторический процесс.

Это возражение выдвигали уже против Гегеля, рассматривавшего Китай, Индию и Западный мир как диалектическую последовательность ступеней в развитии мирового духа. Указывалось, что здесь между ступенями нет того реального соприкосновения, которое мы обнаруживаем в истории Западного мира.

Однако в нашем тезисе речь идет о принципиально ином. Мы ведь отрицаем именно последовательность развития от Китая к Греции - его не было ни во временном, ни в смысловом аспекте; здесь наличествует, по нашему мнению, параллельное существование в одно и то же время и без взаимодействия. Ряд различных по своему происхождению путей ведет как будто к одной цели. Перед нами многообразие одного и того же в трех образах, три различных корня истории, которая впоследствии - после прерывае-

мых отдельных соприкосновений, окончательно только через несколько столетий, собственно, только в настоящее время - обретает свое единство.

Поэтому наш вопрос сводится к характеру упомянутого параллелизма.

Каковы свойства названного параллелизма? Фактические данные могли бы быть не более чем суммой синхронных курьезов, не обладающих исторической значимостью. В истории можно найти множество странных синхронных явлений.

Так, в XVI в. иезуиты обнаружили в Японии буддийскую секту (существовавшую с XIII в.). Она казалась - и действительно была - поразительно близка по своему вероучению протестантам. В изложении япониста Флоренца (в учебнике Chantepie de Saussaye) вероучение этой секты заключалось в следующем: старание человека обрести спасение не имеет значения. Все дело в вере, в вере в милосердие Амида и в его помощь. Нет таких добрых дел, которые были бы заслугой. Молитва - не религиозное действие, а благодарность за спасение, дарованное Амидой. «Если уж праведные должны вступать в жизнь, то уж тем более это удел грешников». Так, Шинран, основатель этой секты, вопреки учению буддизма выставлял требование: никаких добрых дел, магических формул и заклинаний, амулетов, паломничеств, постов или каких-либо других видов аскезы. Мирянин обладает такой же возможностью спасения, как священнослужитель и монах. Священнослужители - не более чем члены сообщества, обучающего мирян. Нет необходимости в том, чтобы они отличались от мирян по своему образу жизни; они носят такую же одежду, как миряне. Целибат отменяется. Семья считается наиболее плодотворной сферой религиозной деятельности. Члены секты должны были сохранять порядок, подчиняться государственным законам и в качестве добрых граждан заботиться о благе страны.

41

Это приведенное в качестве примера учение поразительно близко по своим основным принципам лютеранству. Существует множество других параллельных явлений, возникавших в веках на территории от Китая до Европы. Они получили свое отражение в ряде синхронистических таблиц.

На это можно возразить следующее: Во-первых, по поводу многих исторических параллелей, как синхронных, так и несинхронных, можно сказать, что в них действует закономерность, относящаяся к отдельным явлениям. Лишь здесь, в осевое время, обнаруживается параллельность, возникающая не как следствие некоего общего закона; напротив, здесь собственно историческая, единичная данность носит всеохватывающий характер, включает в себя все духовные явления. Только в осевое время существовал универсальный во всемирно-историческом смысле параллелизм в целостности культур, а не простое совпадение единичных явлений. Отдельные явления еще не составляют параллелизма, который мы имеем в виду, говоря об осевом времени.

Во-вторых, близость трех параллельных течений существует лишь в упомянутое время. Попытка провести эту параллель в последующие периоды и отразить их в синхронистических таблицах, охватывающих тысячелетия, становится по мере удаления от осевого времени все более искусственной. Линии развития уже не параллельны, они расходятся. Если вначале они казались тремя путями, направленными к одной цели, то в дальнейшем они становятся совершенно чуждыми друг другу. Однако чем дальше мы отступаем вглубь, приближаясь к осевому времени, тем больше мы ощущаем родственность развития, тем ближе мы друг другу.

Мне представляется все менее вероятным, что этот общий аспект осевого времени лишь историческая иллюзия, игра случая. Напротив, создается впечатление, будто здесь обнаруживается нечто общее в своей глубине, выявляются истоки человеческого бытия. В том, что следует за этим временем, можно подчас, несмотря на все увеличивающееся расхождение, обнаружить аналогии, признаки общего происхождения из

родственных сфер, но прежней полноты исконной и подлинной смысловой общности уже нет.

Единственный допускающий такое сравнение параллелизм всемирно-исторического значения - это время возникновения великих культур древности - Египта, Месопотамии, долины Инда и Китая.

Однако это совпадение растягивается во времени на тысячелетия. Начало его датируется периодом от 5000 до 3000 г. до н. э. (Двуречье и Египет); к тому же времени относятся древнейшие археологические находки на Крите и в Трое. Начало культуры Китая и долины Инда относится к третьему тысячелетию.

С великими культурами древности можно сопоставить культуры Мексики и Перу, возникшие, по-видимому, в первом тысячелетии н. э.

42

Здесь общее - высокая организация и развитая техника. В Египте, Двуречье, в долине Инда и в долине Хуанхэ в Китае возникают аналогичные по своему типу цивилизации с централизованным управлением и высокоразвитой организацией жизни.

Общий у них и магический характер религии без какого-либо философского освещения, без жажды спасения, без прорыва в свободу пограничных ситуаций, а также своеобразная статичность при наличии ярко выраженного стиля в произведениях искусства, в архитектуре и в пластическом искусстве.

Однако этот параллелизм не отличается той точной синхронностью, которая характеризует осевое время: к тому же здесь речь может идти только о сходстве сложившихся типов, а не духовных движений. Параллелизм находит здесь свое выражение в поразительно стабильных условиях, аналогичным образом восстанавливающихся после разрушительных катастроф. Это - мир, составляющий промежуточное звено между едва доступной нашему взору доисторией и той стадией истории, которая уже не допускает духовной стабильности; мир, который стал основой осевого времени, но обрел свою гибель в нем и из-за него.

В чем причина этого? Если само наличие параллелизма в осевое время не вызывает сомнения, то возникает вопрос, в чем его причина. Почему в трех различных сферах независимо друг от друга происходит одно и то же? Сначала тот факт, что эти три сферы на стадии своего возникновения не знают друг о друге, является как будто чем-то внешним, однако в этом кроется историческая тайна, которая все углубляется по мере исследования нами фактических данных. «В осевом времени с его поразительным богатством духовного созидания, определившим всю историю человечества до наших дней, таится загадочность, особенность, в силу которой в трех сферах независимо друг от друга происходит аналогичное, однотипное развитие.

Тайна такой одновременности существовала, как мы показали, помимо осевого времени разве что еще в одном случае (следовательно, встречается вообще только два раза) - при возникновении великих культур древности. Вопрос гласит: почему из общего доисторического состояния народов в трех или четырех местах земного шара - в долинах Нила и Хуанхэ, в Месопотамии и Индии - развитие почти одновременно (с разницей, не превышающей два тысячелетия) привело к великим культурам древности?

На это отвечают обычно следующим образом: аналогичные задачи, связанные с разливом рек (забота об орошении и борьба с наводнениями), привели к аналогичным следствиям. Но почему же одновременно? И почему только в долинах этих рек? Почему это значительно позже в других условиях повторилось в Америке? Общение между народами могло иметь соответствующие последствия. Достижения цивилизации ремесленного типа всегда медленно распространялись по всему земному шару, во всяком случае, по всему Европейскому континенту. Изобретение пись-

43

менности возникло, вероятно, где-то в одном месте, а затем было заимствовано другими народами; без письменности не могли быть решены задачи управления, и прежде

всего осуществлено регулирование, связанное с разливом рек. Однако все это лишь возможные предположения. Связи между культурой Шумера в Двуречье и культурой долины Инда можно обнаружить в третьем тысячелетии, между Египтом и Вавилоном они возникают раньше и во втором тысячелетии уже весьма интенсивны.

Однако простым заимствованием нельзя объяснить то, что в ряде мест развитие привело к возникновению великих культур далеких тысячелетий. Поэтому Э. Майер * говорит: «Следует предположить, что к 5000 г. до н. э. *genus homo* (человеческий род (лат.))

достиг такой ступени развития, которая позволила всем группам людей или народам, обладавшим известной предрасположенностью (т. е. потенциальными духовными силами), для того чтобы вообще выйти из этой стадии развития, совершить переход на путь, завершившийся возникновением более высокой культуры» (6). При таком понимании параллельные явления предстают как одновременно возникающие следствия биологического развития человека и становятся однопорядковыми ступенями его эволюции. То, что в силу общего биологического развития заложено в людях, являет себя одновременно и независимо от всего остального, подобно тому, как это происходит на жизненном пути разъединенных друг с другом близнецов, вышедших из одной яйцеклетки.

Однако это соображение - не более чем ничего не объясняющие слова. Мысль эта пуста, поскольку она не открывает путь к дальнейшему исследованию. «Развитие *genus homo*» не является такой постигаемой реальностью, которая позволила бы что-нибудь обосновать, и прежде всего подобное биологическое развитие было - бы присуще лишь небольшой части разбросанных групп людей, а не всему человечеству в целом.

* * *

Тайну одновременного начала осевого времени следует, как мне представляется, искать на совсем иной глубине, чем возникновение упомянутых великих культур древности. Во-первых, здесь одновременность выражена со значительно большей точностью; во-вторых, она относится к духовному и историческому развитию сознающего, мыслящего человечества в целом. В трех сферах, уже с возникновения великих культур, отмечавшихся признаками особенной подлинности, в последнее тысячелетие до н. э. возникли творения, на которых покоится вся последующая история человеческого духа.

По своим истокам эти течения самостоятельны. Наличие реальных заимствований и импульсов исключено. Лишь после того как в Китай в конце осевого времени проник буддизм, между Ин-

44

дией и Китаем возникла духовная коммуникация на более глубоком уровне. Связи между Индией и Западным миром существовали всегда, но большое значение они получили лишь в эпоху Римской империи, когда стали проходить через Александрию. Однако если исходить из взаимоотношений между Индией и Западом, то вопрос об истоках этих течений вообще остается в стороне, а их дальнейшая эволюция не сможет быть с очевидностью определена.

Посмотрим, как объяснялась эта тайна.

Э. Лазо пишет: «Причиной этого поразительного совпадения может быть только внутреннее субстанциальное единство человеческой жизни и жизни народов, только общий всем народам порыв всей человеческой жизни, а не особое цветение одного народного духа» (7). Однако это не объяснение, а лишь описание тайны.

В. Штраус говорит о тайном законе: «Это явление, параллелей которому в истории немало и которое позволяет прийти к выводу о действии таинственных законов, могло бы найти свое обоснование в одинаковом организме людей в силу их общего происхо-

ждения; но можно предположить и то, что здесь действует высшая духовная потенция, подобно тому, как цветение в природе достигает своего полного великолепия лишь в живительных лучах солнца» (8). Однако подобные высказывания лишь описывают тайну, о которой здесь идет речь, так же, как это делал Лазо. Их недостаток заключается также и в том, что они нивелируют единичность исторического явления, параллелизм осевого периода, распространяя его на мнимые виды общности, обнаруживаемые на протяжении всей истории человечества.

Г. Кайзерлинг * говорит: «От поколения к поколению люди претерпевают изменения одинакового рода и в одинаковом направлении, а в поворотные моменты истории однотипные изменения охватывают гигантское пространство и совершенно чуждые друг другу народы» (9). Но и это не более чем описание загадки, и притом дурное, поскольку оно носит чисто биологический характер без какого-либо действительного биологического обоснования.

Все объяснения такого рода игнорируют тот несомненный факт, что на этот путь стало совсем не все человечество, отнюдь не все люди, уже заселявшие в тот период нашу планету, а лишь немногие, относительно очень немногие, и только в трех местах земного шара. Так, как в великих культурах древности, эти процессы коснулись не людей как таковых, а лишь небольшой части человечества. Поэтому и делалась попытка опереться в решении этой проблемы не на биологические свойства людей, не на нечто, ошибочно возведенное в ранг всеобщего, присущего всему человечеству, а найти в рамках развития человечества общие исторические истоки тех немногих народов, которые претерпели это преобразование. Истоки эти нам, правда, не известны. Вероятно, их следует искать где-то в доистории в Средней Азии. Основываясь на таких общих истоках, параллельное развитие

45

можно было бы, вероятно, объяснить родственностью. Однако эта идея до сих пор не может быть верифицирована. Она вызывает большие сомнения, так как исходит из общего происхождения столь различных народов, как китайцы, индоевропейцы и семиты, появление которых при таком толковании должно было бы относиться ко времени, отстоящему от известного нам начала их истории лишь на несколько тысячелетий; в биологическом измерении - это весьма небольшой отрезок времени, вряд ли достаточный для образования глубоких расовых различий.

Ответом на вопрос о причине упомянутой одновременности служит в настоящее время лишь гипотеза Альфреда Вебера (10), спорная в методологическом отношении. Вторжение кочевых народов из Центральной Азии, достигших Китая, Индии и стран Запада (у них великие культуры древности заимствовали использование лошади), имело, как уже было сказано, аналогичные последствия во всех трех областях: имея лошадей, эти кочевые народы познали даль мира. Они завоевали государства великих культур древности. Опасные предприятия и катастрофы помогли им понять хрупкость бытия; в качестве господствующей расы они привнесли в мир героическое и трагическое сознание, которое нашло свое отражение в эпосе.

Этот поворот истории был произведен индоевропейскими народами-завоевателями. В конце третьего тысячелетия они достигли Европы и Средиземноморья. Новый великий прорыв они совершили около 1200 г., когда достигли Ирана и Индии. В конце второго тысячелетия кочевые народы появились в Китае.

До этого времени на территории от Китая до Европы существовали уходящие в глубину времен древние культуры, характеризуемые частично как матриархальные; это либо культуры оседлых скотоводов, либо просто проживающие в полной замкнутости народы, которые заселяли культурный пояс от Китая до Европы.

История превращается в борьбу между этими двумя силами - культурой матриархата, древней, стабильной, связанной, непробудившейся, и новой динамичной, освобождающей, осознанной в своих тенденциях культурой кочевых народов.

Тезис Альфреда Вебера указывает на реальное единообразие внутри евро-азиатского блока. Однако в какой мере появление здесь кочевых народов было решающим, определить трудно. Географические условия и исторические конstellации создают, правда, известные предпосылки для объяснения интересующего нас факта, однако почему с этого момента начинается творческое созидание, остается для нас тайной.

Тезис Вебера обладает известной убедительностью в силу простого каузального объяснения, основанного на характерных жизненных свойствах кочевых народов. Однако он в лучшем случае указывает на одну предпосылку. Содержание же осевого времени столь необычно и всеобъемлюще, что вряд ли можно свести его к подобной причине даже в качестве одной из необходимых пред-

46

посылок Контраргументом может служить Китай, где, вне всякого сомнения, возникает богатая содержанием культура осевого времени, но нет ни трагического сознания, ни эпоса. (В Китае возникает нечто близкое эпосу только в первые века н. э., в период длительных войн с новыми народами, напоминающий нашу эпоху великого переселения народов.) Противоречит этой концепции и Палестина, где не было вторжения кочевников и, тем не менее, пророками был внесен существенный вклад в духовное созидание осевого времени.

Убедительность этой гипотезы снижается и потому, что передвижения народов, странствования и завоевания были известны на протяжении тысячелетий существования великих культур древности, а также потому, что инкубационный период между вторжениями на территорию, занимаемую индоевропейскими народами (а эти вторжения, в свою очередь, происходили в течение более тысячи лет), и началом духовного формирования осевого времени очень продолжителен, а следующее за этим периодом начало осевого времени поразительно по своей одновременности. Мы задаемся вопросом об исторической причине содержания осевого времени потому, что речь идет о пробуждении части человечества на небольших пространствах, а отнюдь не всех людей. Перед нами не развитие человечества в целом, а отрезок своеобразного извилистого исторического процесса.

Если Альфред Вебер подошел к решению этого вопроса с остроумной находчивостью, позволяющей дать определенный ответ, допускающий проверку и проведение плодотворной дискуссии, то обычно тайна несоприкасаемости трех самостоятельных истоков маскируется неопределенным утверждением об евроазиатской общности. Быть может, заявляют обычно голословно, все-таки существовало какое-либо неизвестное нам взаимовлияние. При этом указывают на общность истории всего Евразийского континента, которая определялась непрерывными вторжениями, переселениями и завоеваниями, совершаемыми народами Центральной Азии, на сходство техники и орнамента, выявленное археологическими находками, сходство, уходящее далеко в доисторическую эпоху и позволяющее прийти к заключению, что между народами всего континента происходил постоянный обмен. На это можно, однако, возразить, что духовное движение осевого времени с его одновременностью и сублимированностью его содержания не может быть объяснено переселениями и обменом.

Самое простое объяснение явлений осевого времени может быть, как будто дано в конечном итоге посредством сведения их к общим социальным условиям, благоприятным для духовного творчества: множество мелких государств и маленьких городов, время политической раздробленности и повсеместной борьбы; тяготы, вызванные войнами и переворотами, при одновременном процветании, поскольку нигде не было полного, радикального разрушения; сомнение в существующих устоях. Все эти социологические соображения очень значимы и способны служить основой

47

методологического исследования, однако, в конечном счете, они лишь проливают свет на фактические данные, но не дают объяснения их причин, ибо все эти факты сами

являются составной частью духовного феномена осевого времени. Это условия, которые совсем не обязательно должны вести к рассматриваемому нами творческому расцвету. Они сами должны быть подвергнуты исследованию, задача которого состоит в том, чтобы объяснить, почему они связаны с этим расцветом.

Никто не может полностью понять, что здесь произошло, как возникла ось мировой истории! Нам надлежит очертить контуры этого поворотного периода, рассмотреть его многообразные аспекты, интерпретировать его значение, для того чтобы на данной стадии хотя бы увидеть его в качестве все углубляющейся тайны.

Может создаться впечатление, будто, не признаваясь в этом, я хочу указать на то, что произошло божественное вмешательство. Ни в коей мере. Ибо это было бы не только *salto mortale* из сферы познания в сферу видимости познания, но и непозволительной навязчивостью по отношению к божеству. Я стремлюсь только опровергнуть удобное и, по существу, ничего не значащее толкование истории как постижимого и необходимого поступательного развития человечества, сохранить сознание соотносительности нашего познания с определенными точками зрения, методами и фактами и тем самым сознание фрагментарности всякого познания, - стремлюсь сохранить этот вопрос открытым и оставить место для возможных новых концепций, которые мы теперь даже не можем себе представить.

Удивление перед тайной является само по себе плодотворным актом познания, источником дальнейшего исследования и, быть может, целью всего нашего познания, а именно - посредством наибольшего знания достигнуть подлинного незнания, вместо того чтобы позволить бытию исчезнуть в абсолютизации замкнутого в себе предмета познания.

Вопрос о смысле осевого времени. Одно дело - вопрос о причине осевого времени и совсем иное - вопрос о его смысле. Фактические обстоятельства троекратно являющего себя осевого времени близки к чуду, поскольку действительно адекватное объяснение, как мы видели, находится за пределами наших возможностей. Скрытый смысл этих фактов вообще не может быть обнаружен эмпирически, как где-то и кем-то установленный смысл. Постановка этого вопроса показывает только, что мы делаем с этими фактами, что они для нас означают. И если в наши выводы и вкрадываются обороты, позволяющие как будто предположить, что мы имеем в виду наличие некоего плана провидения, то в действительности это только символы.

а) Видеть фактические данные осевого времени, обрести в них основу для нашей картины мировой истории означает: найти то, что, невзирая на все различия в вере, свойственно всему человечеству. Одно дело видеть единство истории и верить в него, руководствуясь только своим внутренним убеждением, и совсем

48

иное - мыслить единство истории в коммуникации со всеми другими людьми, соотнося свою веру с сокровенной глубиной всех людей, объединяя собственное сознание с чужим. В этом смысле о веках между 800 и 200 гг. до н. э. можно сказать: они составляют эмпирически очевидную для всех людей ось мировой истории.

Трансцендентной истории, основанной на христианской вере в откровение, ведомо сотворение, грехопадение, акт откровения, пророчества, явление Сына Божьего, спасение и страшный суд. В качестве вероучения определенной исторической группы людей она остается неприкосновенной. Однако основой, на которой может произойти объединение всех людей, не может быть откровение, ею должен быть опыт. Откровение - это образ исторически частной веры, опыт же доступен человеку как таковому. Все мы, люди, можем сообща знать о действительности этого универсального преобразования человечества в осевое время. Оно ограничено, правда, Китаем, Индией и Западным миром, но, тем не менее, хотя изначально и без соприкосновения этих трех миров, послужило основой универсальной истории, в духовном смысле охватило всех людей.

б) Поскольку в проявлении осевого времени существует тройная историческая модификация, оно как бы призывает нас к безграничной коммуникации. Способность видеть и понимать других помогает уяснить себе самого себя, преодолеть возможную узость каждой замкнутой в себе историчности, совершить прыжок вдаль. Эта попытка вступить в безграничную коммуникацию - еще одна тайна становления человека, и не в недоступном нам доисторическом прошлом, а в нас самих.

Требование этой коммуникации, основанное на историческом факте, на наличии трех истоков осевого времени, - лучшее средство против ошибочного представления об исключительности истины какого-либо одного вероучения. Ибо вера может быть только обязательной в своем историческом существовании, а не общезначимой в своих выводах, наподобие научной истины. Притязание на исключительность, это выражение фанатизма, высокомерия, самообмана, основанного на воле к власти, которое прежде всего проявляется во всех секуляризациях, а также в догматической философии и в так называемых научных мировоззрениях, может быть преодолено именно пониманием того, что Бог являл себя в истории различным образом и что к Нему ведет множество путей. Посредством мировой истории Бог как бы предостерегает от притязаний на исключительность.

в) Если осевое время, по мере того как мы погружаемся в него, обретает все большее значение, то возникает вопрос: является ли это время, его творения масштабом для всего последующего, можно ли считать, если мы исходим не из величины сферы воздействия, не из объема политических событий, не из предпочтения, которое на протяжении веков отдавали духовным явлениям, - можно ли в этом случае считать, что суровое величие, творческая ясность, глубина смысла, размах стремления к новым духовным

49

мирам, присущие феноменам осевого времени, составляют вершину всей предшествующей истории? Всегда ли более позднее при всем его величии и своего рода исключительности бледнеет перед более ранним - Вергилий перед Гомером, Август перед Солоном, Иисус перед Иеремией?

Совершенно очевидно, что безусловное утверждение такого рода было бы неверным. Явления более позднего времени имеют свою ценность, такую, какой еще не было раньше, определенную степень зрелости, утонченную изысканность, душевную глубину, особенно если иметь в виду «исключения». Историю невозможно подчинить иерархии рангов, в основу которой было бы положено некое универсальное представление, автоматически устанавливающее градацию. Однако из постижения осевого времени следует определенная постановка вопроса и, быть может, известная предвзятость по отношению к более поздним феноменам - но именно поэтому вспыхивает ярким светом то действительно новое и по-иному великое, что не относится к осевому времени. Например, тот, кто занимается философией, хорошо знает, что после чтения греков в течение нескольких месяцев Августин воспринимается как освобождение из холодной безличной сферы и переход к проблемам совести, уйти от которых с этого момента уже невозможно и которые совершенно чужды грекам. Но после длительных занятий Августином вновь пробуждается стремление вернуться к грекам и смыть в сфере их здорового мироощущения замутненность, образовавшуюся в ходе этих занятий. На земле нигде нет ни полной истины, ни настоящего спасения.

И осевое время не избежало гибели. Развитие продолжало идти своим путем.

Лишь одно я считаю бесспорным: постижение осевого времени определяет наше осознание современной ситуации и исторического развития, доводя его - независимо от того, принимаем ли мы эту идею или отвергаем ее, - до таких выводов, которые я мог здесь лишь наметить.

Речь идет о том, как мы понимаем конкретное единство человечества.

II. СХЕМА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Для того чтобы удостовериться в основах нашего существования, мы обращаемся к глобусу. Глядя на движущийся в нашей руке глобус, мы пытаемся ориентироваться в тех основных положениях, которые сообщают нам географы и историки о разделении суши и моря, о различных странах света и государствах, о местах, где сложились первые культуры.

1. В едином порыве массы земли простираются от западных берегов Европы и Африки к крайней восточной границе Америки, т. е. от Атлантического океана к Атлантическому океану. Атлантический океан в отличие от Тихого океана был вплоть до Колумба

50

великой территориальной границей человечества, тогда как на восток и запад еще в доисторическое время повсеместно предпринимались путешествия. (Появление норманнов в Северной Америке - исключение, не имевшее серьезных последствий.)

2. Расы: белые, черные, монголы, индейцы заселяли вплоть до нового времени земной шар в более или менее замкнутых областях; правда, существовали некоторые переходные расовые типы.

3. Человек селился повсюду, где была хоть малейшая возможность жить. Перед нами огромные пространства на севере Азии, в Африке, Америке, где люди жили, не создавая, однако, ничего значительного в сфере духовной культуры. Перед нами области севера и юга, население которых, оттесненное к крайним их границам, свидетельствует самыми формами своего существования о том, что могут совершить люди.

Мы видим, какое значение для культуры имеют основные типы ландшафта: долины рек. Средиземноморское побережье, океанские бухты, островной мир, равнины, степи, пустыни.

4. Американский континент был заселен одной расой - индейцами. Здесь нет костных остатков доисторического периода, предшествовавшего появлению человека, или ранней стадии его существования. По-видимому, Америка была заселена сравнительно поздно пришельцами из Азии, передвигавшимися с севера на юг.

5. Возникновение культуры территориально охватывает лишь узкую полосу всей земной поверхности от Атлантического до Тихоокеанского побережья, от Европы через Северную Африку, Переднюю Азию до Индии и Китая. Эта полоска, составляющая в длину около четверти, в ширину - меньше двенадцатой части всей земной поверхности, содержит плодородную почву, разбросанную между пустынями, степями и горными кряжами. Все области, где возникли истоки высокой культуры, находятся внутри этой полосы. Вначале они независимы друг от друга; их творения распространяются, вступают в контакт друг с другом и вновь порывают связывающие их узы. Постоянное общение даже в этом поясе возникло поздно, но и тогда оно все время прерывалось; во всем своем объеме оно существует лишь несколько веков и создано европейцами.

Внутри необъятного пространства, заселенного людьми, область возникновения культуры очень мала. То же можно сказать и о времени ее существования.

* * *

В виде *схемы* историю в узком смысле можно представить себе следующим образом.

Из темных глубин доистории, длящейся сотни тысячелетий, из десятков тысячелетий существования подобных нам людей в тысячелетия, предшествующей нашей эре, в Месопотамии, Египте, в долине Инда и Хуанхэ возникают великие культуры древности.

51

В масштабе всей земной поверхности это - островки света, разбросанные во всеобъемлющем, сохранившемся едва ли не до наших дней мире первобытных народов.

В великих культурах древности, в них самих или в орбите их влияния в осевое время, с 800 по 200 г. до н. э., формируется духовная основа человечества, причем независимо друг от друга в трех различных местах - в Европе с ее поляризацией Востока и Запада, в Индии и Китае.

На Западе, в Европе, в конце средних веков возникает современная наука, а за ней с конца XVIII в. следует век техники; это - первое после осевого времени действительно новое свершение духовного и материального характера.

Из Европы шло заселение Америки и формирование ее духовной культуры, исходило решающее в рациональной и технической сфере влияние на Россию с ее восточно-христианскими корнями; Россия же, в свою очередь, заселила весь север Азиатского материка до Тихого океана.

Сегодняшний мир с его сверхдержавами - Америкой и Россией, - с Европой, Индией и Китаем, с Передней Азией, Южной Америкой и остальными регионами земного шара, постепенно в ходе длительного процесса, идущего с XVI в., благодаря развитию техники, фактически стал единой сферой общения, которая, несмотря на борьбу и раздробленность, во все возрастающей степени настойчиво требует политического объединения, будь то насильственного в рамках деспотической мировой империи, будь то в рамках правового устройства мира в результате соглашения.

Мы считаем возможным сказать, что до сих пор вообще не было мировой истории, а был только конгломерат локальных историй.

То, что мы называем историей, и то, чего в прежнем смысле больше не существует, было лишь мгновением, промежутком в какие-то пять тысячелетий между заселением земного шара, продолжавшимся сотни тысяч лет в доистории, и тем, что мы теперь рассматриваем как подлинное начало мировой истории/

В доисторическое время в объединенных группах людей, лишенных сознания своей взаимосвязи, происходило лишь повторяющееся воспроизведение жизни, еще очень близкой к природной. Вслед за тем в нашей короткой, предшествовавшей сегодняшнему дню истории произошло как бы соприкосновение, объединение людей для свершения мировой истории, духовное и техническое оснащение перед началом пути. Мы только начинаем.

* * *

Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты. Вернемся еще раз к схеме мировой истории, чтобы не дать ей закатенеть в ложной односторонности.

52

Человек четыре раза как бы отправляется от новой основы. Сначала от доистории, от едва доступной нашему постижению прометеевской эпохи* (возникновение речи, орудий труда, умения пользоваться огнем), когда он только становится человеком? Во втором случае от возникновения великих культур древности. В третьем - от осевого времени, когда полностью формируется подлинный человек в его духовной открытости миру.

В четвертом - от научно-технической эпохи, чье преобразующее воздействие мы испытываем на себе.

В соответствии с этой схемой перед нами при интерпретации истории возникают четыре специфические группы вопросов, которые в наши дни воспринимаются как основополагающие вопросы мировой истории:

1. Что явилось в доистории решающим для формирования человека?
2. Как возникали, начиная с 5000 лет до н. э. великие культуры древности?
3. В чем сущность осевого времени и каковы его причины?
4. Как следует понимать возникновение науки и техники? Что привело к «эпохе техники»?

Недостаток этой схемы в том, что она исходит из четырех, правда, очень значительных, но по своему смыслу гетерогенных периодов мировой истории: прометеевской эпохи, эпохи великих культур древности, эпохи духовной основы нашего человеческого бытия, до сих пор сохранившей свою значимость, эпохи развития техники. Более убедительной, предвосхищающей будущее, можно считать схему, намеченную следующим образом: в доступной нам человеческой истории есть как бы два дыхания.

Первое ведет от прометеевской эпохи через великие культуры древности к осевому времени со всеми его последствиями.

Второе начинается с эпохи науки и техники, со второй прометеевской эпохи в истории человечества, и, быть может, приведет через образования, которые окажутся аналогичными организациям и свершениям великих культур древности, к новому, еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека.

Между этими двумя дыханиями наблюдаются, однако, существенные различия. Находясь на стадии второго дыхания, начиная его, мы способны познать первое, другими словами, мы обладаем историческим опытом. Другая существенная разница: если период первого дыхания пробилился на несколько параллельно развивавшихся островков цивилизации, то второе охватывает человечество в целом.

В первом дыхании каждое событие, даже если оно выступало в образе великих империй, было локальным и никогда не являлось решающим для развития в целом. Именно поэтому и оказалась возможной специфика Западного мира и связанных с ним новообразований, тогда как другие культуры все больше отдалялись от осевого времени, не подавая на данном этапе надежд на

53

то, что они в обозримое время придут в своей эволюции к каким-либо новым существенным возможностям.

Напротив, в наше время все то, что произойдет, должно быть универсальным и всеохватывающим, развитие уже не может быть ограничено Китаем, Европой или Америкой. Решающие события, будучи тотальными, должны неминуемо носить совсем иной, роковой характер.

В целом развитие, начало которого относится к первому дыханию, представляется нам теперь в своем многообразии так, будто оно привело бы к полному крушению, если бы на Западе не возникло начало чего-то нового. Теперь весь вопрос в том, сохранит ли грядущее развитие свою открытость и завершится ли оно, проходя через жесточайшие страдания, искажения и ужасающие провалы, созданием настоящего человека; хотя каким образом это произойдет, мы еще совершенно не можем себе представить.

* * *

Единые истоки человечества в начале доисторического времени столь же темны для нас, сколь темен будущий мир господствующего ныне на земном шаре человечества, которое, быть может, достигнет единства своего юридически упорядоченного, духовно и материально устремляющегося в бесконечность существования.

Наша история совершается между истоками (которые мы не можем ни представить себе, ни примыслить) и целью (конкретный образ которой мы не можем существенным образом обрисовать).

Однако истоки и цель связаны друг с другом: в зависимости от того, какими я мыслю первые, я мыслю и вторую. То, что не имеет убедительного зримого в реальности

образа, находит свое символическое выражение: истоки - в «создании человека», цель - в «вечном царстве душ».

* * *

В последующих разделах будет рассмотрена история - этот процесс между истоками и целью, в той мере, в какой она является прошлым, ее основополагающие вопросы и фактические данные.

Для иллюстрации мы предлагаем обратиться к простой схеме мировой истории (ее следует читать снизу вверх).

III. ДОИСТОРИЯ

1. История и доистория

К истории мы относим все то время, о котором мы располагаем документальными данными. Когда нас достигает слово, мы как бы ощущаем почву под ногами. Все бессловесные орудия, найденные при археологических раскопках, остаются для нас немymi в своей

54

безжизненности. Лишь словесные данные позволяют нам ощутить человека, его внутренний мир, настроение, импульсы. Письменные источники нигде не датируются ранее 3000 г. до н. э. Следовательно, история длится около 5000 лет.

Объективно доистория - поток различных изменений, однако в духовном смысле это еще не история, поскольку история возникает лишь там, где есть осознание истории, традиция, документация, осмысление своих корней и происходящих событий. Представление, что и там, где нет преемственности традиций, история, как таковая, все-таки была или даже должна была быть, не более чем предрассудок.

История - всегда ясное для человека прошлое, сфера усвоения этого прошлого, сознание своего происхождения. Доистория - обоснованное, правда, фактически, но не познанное прошлое.

Развитие человека в доисторическую эпоху -»это становление основных конститутивных свойств человеческого бытия; развитие человека в историческую эпоху - это развертывание ранее обретенного содержания духовного и технического характера. Конститутивные свойства человеческого бытия складывались в неизмеримых пластах времени; напротив, историческое развитие выступает как ограниченное во времени явление, выразившее себя в творениях, представлениях, мыслях, образах на широкой и глубокой основе сложившегося в доистории и по сей день еще действенного человеческого бытия.

Доистория и история создали, таким образом, в своей последовательности две основы нашего существования. Доисторическое становление человека - формирование человека как вида со всеми его привычными склонностями и свойствами, со всей присущей ему сферой бессознательного - составляет фундамент нашего человеческого бытия. Исторически осознанная передача свойств человека и его эволюция, которая показывает нам, на что был способен человек, и которая всем своим содержанием составляет источник нашего воспитания, нашей веры, нашего знания и умения,- этот второй момент в развитии человека - подобен тонкой оболочке над кратером вулкана. Может случиться, что эта оболочка будет сброшена, тогда как фундаментальные свойства человека как представителя данного вида, сложившегося в доисторические времена, неотвратимо присущи его природе. Быть может, нам грозит опасность вновь превратиться в людей каменного века, ибо мы, собственно говоря, никогда не перестаем ими быть.

Тогда мы, располагая уже не каменным топором, а самолетами, по существу, вернулись бы к доисторическим временам, а тысячелетия истории были бы забыты, и следы их стерты в памяти. Конец истории мог бы вернуть человека к тому состоянию, в котором он, будучи уже и все еще человеком, существовал много тысячелетий тому назад: без знания и сознания того, что от поколения к поколению передавался накопленный опыт.

Мы ничего не знаем о душе человека, который жил 20 000 лет

56

тому назад. Однако мы знаем, что на протяжении известной нам истории человечества, этого короткого промежутка времени, человек не изменился существенным образом ни по своим биологическим и психофизическим свойствам, ни по своим первичным неосознанным импульсам (ведь с тех пор прошло лишь около ста поколений).

Результатом доисторического становления является то, что наследуется биологически, что, следовательно, способно устоять во всех катастрофах истории. Исторические же приобретения тесно связаны с традицией, они передаются и поэтому могут быть утрачены. То, что утвердилось в мире людей во взлетах творческого созидания, а затем посредством передачи последующим поколениям формировало и изменяло феномен человека, настолько связано с этой передачей, что без нее, поскольку это не передается биологически, может полностью исчезнуть; и тогда останутся только конститутивные свойства человека.

Перед историческим сознанием постоянно стоит великая проблема фундаментальной основы человека, существовавшего в доисторическую эпоху, проблема его основополагающей универсальной сущности. В природе человека глубоко заложены действенные силы времен его формирования. Доистория - это время, когда произошло становление человеческой природы. Если бы мы могли проникнуть в доисторию, нашему пониманию стала бы доступна субстанциальная основа человеческой природы, поскольку мы увидели бы ее становление, условия и ситуации, которые создали человека таким, как он есть. Вопросы, на которые могла бы дать ответ доистория, будь она эмпирически познаваема, таковы: Каковы первичные мотивы человека, каковы его жизненные импульсы? Что из них остается неизменным во все времена, что изменяется? Могут ли они еще быть преобразованы? Полностью ли они скрыты? Научился ли человек обуздывать эти импульсы только в историческое время или уже в доистории? Прорываются ли они вообще время от времени или хотя бы в определенных ситуациях, разрывают ли скрывающие их покровы? Когда и как это происходило? Прорвутся ли изначальные импульсы с неведомой дотоле силой, если произойдет крушение всего того, во что мы верим и что передано нам предыдущими поколениями? Какой облик примут эти исконные силы, если им будет придана определенная форма? Как это осуществить? Во что они превратятся, если будут лишены возможности выразить себя и осуществить непосредственное воздействие, если, например, они будут замаскированы посредством понятийных схем, представлений о мире, ценностных понятий, насилия, что означало бы их парализацию?

Те ничтожные данные о доистории, которыми мы располагаем, те картины, которые мы создаем с помощью этнографии, фольклористики и истории и используем для психологического представления об исконных влечениях человека, служат нам зеркалом нашей сущности, открывающим нам то, что мы подчас охотно скрываем от самих себя, о чем мы при известных условиях забы-

57

ваем и что, внезапно превращаясь в реальность, поражает нас и воспринимается нами как катастрофа.

Однако все представления о человеке, о его конститутивных свойствах и первичных импульсах не являются абсолютным установлением действительно существующего. Напротив, сами эти представления - не что иное, как моменты в пробуждении нашего

проясняющегося и развивающегося самосознания. В нем эмпирически неотвратимое, которое мы вынуждены признать в его фактической данности, неразрывно связано со свободой, превращающей видимые нами образы в нечто привлекательное или отталкивающее.

2. Отношение к доистории

По сравнению с историей Земли (исчисляемой примерно двумя миллиардами лет), по сравнению с уже значительно более короткой историей жизни на Земле (исчисляемый примерно полумиллиардом лет) и с тысячами веков, в течение которых люди жили на Земле, что доказано археологическими находками, - продолжительность известной нам истории человечества, мы вновь повторяем это, - ничтожна. Во временном отношении эта история - как бы первое мгновение нового процесса. Он только начался. Этот основополагающий факт следует представлять себе со всей отчетливостью. В такой перспективе вся история превращается в маленький, лишь зарождающийся мир внутри жизни человечества, почти исчезающий в безграничном пространстве и бесконечном времени. Мы задаем ряд вопросов: Что же такое это начало?

Почему с того времени, как существует передача опыта, т. е. с начала истории, человеку свойственно ощущение конца - то ли достигнутого завершения, то ли состояния упадка?

Или это только промежуточное мгновение, удел которого - бесследно исчезнуть и быть забытым? Но в чем тогда значение этого промежуточного мгновения?

Каково было становление человека доисторической эпохи? Что он пережил, открыл, совершил, изобрел до начала передаваемой истории?

Притязания, предъявляемые нашему познанию доисторией, находят свое выражение в вопросах, на которые едва ли может быть дан ответ. Откуда мы пришли? Кем были мы на заре истории? Какие возможности существовали до истории? Какие решающие события произошли тогда, события, позволившие человеку стать человеком, способным иметь историю? Какие существовали тогда забытые нами глубины «изначальных открытий», скрытых от нас прозрений? Как возникли языки и мифы, уже сложившиеся к началу исторического времени?

Перед этими вопросами столь же беспомощна романтическая фантазия, для которой историческое развитие всегда ведет к упад-

58

ку, как и трезвая ограниченность, которая видит в доистории только тривиальные данные и рассматривает их наподобие естественноисторических фактов. И почти все полученные нами ответы не более чем гипотезы.

* * *

Погруженная в бездонные глубины времени доистория представляется нам из-за недостатка сведений о ней как покой, даль, исполненная непостижимого глубокого значения. Как только мы обращаем к ней взор, мы ощущаем ее притягательную силу, которая как будто обещает нам нечто выходящее за рамки обычного. От доистории исходят чары, устоять перед которыми мы не можем, как бы часто нас ни ждало разочарование.

1. Мы знаем, как люди с самого начала истории относились к доистории, как они полагали, что обладают сведениями о ней из мифов и образов, как они соотносили с ней свою жизнь, находили в ней потерянный рай, ужасные кризисы, подобные вавилонскому смешению языков, золотой век и катастрофы; как естественное переплеталось здесь со сверхчувственным, как верили в то, что боги спускались на землю, что высшие существа, внушая и поучая, вмешивались в земную жизнь. Извлечь из подобных мифов какое-либо достоверное знание о давно прошедших временах, какие-либо

реальные данные невозможно. Однако все эти мифы в целом создают величественную картину того, насколько человек всегда необходимым образом связан с той сущностной основой, которая сложилась в глубине доисторических времен.

2. Мы, современные люди, пытаемся исследовать то, что доступно познанию. Мы можем в весьма скромном объеме установить, чем человек уже владеет к началу исторической эпохи, т. е. что сложилось, и что было достигнуто в доисторическую эпоху: язык, орудия, мифы, общественное устройство. Непосредственно о самой доисторической эпохе мы узнаем извне, по мере того как при раскопках обнаруживаются костные останки доисторических людей и их орудия. Число такого рода находок в настоящее время очень велико, однако содержание их скудно: они не дают представления - или дают его очень смутно - о душе, внутренней настроенности, вере, духовных переживаниях этих людей. Даже захоронения, постройки, украшения и знаменитые пещерные изображения знакомят нас лишь с деталями их реального существования; понять их подлинное значение в мире этого далекого прошлого мы не можем, как не можем представить себе этот мир в его целостности. Лишь прямое назначение орудий может быть понято однозначно, все остальное остается нам недоступным. Поэтому то, что утверждают исследователи этого времени, очень гипотетично. Они интерпретируют. Но из этой интерпретации трудно извлечь что-либо безусловно достоверное. То, что происходило в этом далеком прошлом, не становится для нас очевидным, как это бывает при чтении источников исторического времени. Поэтому историкам сле-

59

дует принять мудрое решение держаться зримого, понятного, обладающего определенной формой и не уделять слишком много внимания начальной стадии человеческого существования. Впрочем, из этого отнюдь не следует, что мы ничего не знаем о доисторической эпохе; однако в незаполненных временах и пространствах обнаруживаются различные фактические данные, весьма бедные по своему смысловому содержанию.

Представление о доистории не дает сколько-нибудь удовлетворяющего нас позитивного знания. Очевидные факты свидетельствуют о том, что доисторическая эпоха существовала. Однако на вопрос о сущности человеческого бытия, о нас самих знание доистории не дает удовлетворительного ответа.

3. Совершенно иной характер носит путь в доисторию, когда, отправляясь от начала исторического развития и доходя до позднейших времен вплоть до наших дней, мы стремимся определить, что осталось в нас от доистории в процессе бессознательной передачи свойств человека от поколения к поколению. Здесь в творческом визионерстве делается попытка проникнуть в сущность изначальных основополагающих сторон человеческой природы. Затем результаты этих попыток используют в качестве гипотез и, оперируя ими, прослеживают, в какой мере они способствуют пониманию фактической передачи опыта и фактических событий доистории. Но сущность этого проникновения состоит в том, чтобы выявить вечные, не подвластные времени черты, поэтому даже при отсутствии эмпирических доказательств какое-то значение они сохраняют. Наилучшим примером такого понимания служат прозрения И. Я. Бахофена*. Он учит нас видеть. Это совсем не скудное представление о прошлом. Но и не достоверные доказательства, открывающие перед нами фактический мир доистории. Видения Бахофена создают лишь обширную сферу возможных образов и содержаний жизни, зримых и значительных, установленных не на основании археологических данных или позитивистских конструкций, а посредством сопереживания и созерцания данных историей типов поведения, нравов и обычаев, символов и характера мышления людей.

Попытки применить все эти аспекты анализа к доистории свидетельствуют о том, какие безграничные возможности открывает понимание этой эпохи: здесь произошло нечто такое, что посредством формирования человека заранее как бы предредило весь последующий ход истории.

3. Хронологическая схема доистории

При исследовании костных останков человека следует, по-видимому, иметь в виду два обстоятельства: 1. Костные останки, найденные на Яве, в Китае, Африке и Европе - в Америке они по сей день не обнаружены,- не следует располагать в реальной генеалогической последовательности,

60

которая отражала бы эволюцию человека: все упорядочения такого рода -лишь идеальные теоретические построения, оперирующие тем, что само по себе еще не обладает для нас внутренней связью (по принципу, согласно которому это многообразие может быть мыслимо и понято только в процессе возникновения и развития).

2. Во всех этих находках, в том числе относящихся и к наиболее древним геологическим пластам, обнаруживаются черепа, мозг которых по своему весу близок к среднему весу мозга современного человека и более чем в два раза превосходит величину мозга так называемых человекообразных обезьян. Следовательно, биологически это уже люди. Отдельные признаки - отсутствие подбородка, надглазные валики, плоский лоб - не всеобщие. Ни в одном из этих случаев мы не можем определить, что следует отнести к расе, что к особой, а что к основной линии эволюции, к предкам современного человека, и мы не знаем, какова реальная генеалогическая связь гоминидов с людьми нашего времени.

Все эти обстоятельства препятствуют построению единого эволюционного ряда. Только геологические слои, в которых совершаются находки, позволяют установить последовательность во времени, которая лишь отчасти совпадает с выводами, сделанными на основании характера находок.

Грубая схема такова: дилuviем называется последняя фаза истории Земли с ее ледниковыми и межледниковыми периодами. Аллювиум - годы, которые следуют за последним ледниковым периодом; их продолжительность еще не достигла продолжительности последнего межледникового периода и составляет, вероятно, 15 000 лет. Делювий охватывает, по-видимому, миллион лет.

Находки показали, что человек существовал в последние ледниковые и межледниковые периоды дилувиума. Однако только в последний ледниковый период - следовательно, около 20 000 лет тому назад - появляется человек кроманьонской расы, близкий нам по антропологическому типу. В конце последнего ледникового периода он создает поразительные изображения в пещерах Испании и Франции. На основании примитивно обработанных каменных орудий говорят о периоде палеолита.

Начало неолита (время шлифовки камня) датируется восемью или пятью тысячами лет до н. э. К неолитическому периоду относятся еще древнейшие фазы культур Египта, Двуречья, Китая и долины Инда.

Однако здесь речь идет отнюдь не о едином прямолинейном развитии, о некоем поступательном продвижении, а о различных параллельных или следующих друг за другом культурах; при этом определенные линии технического прогресса, например в обработке камня, медленно распространяясь посредством передачи навыков, проходят через эти культуры.

Хронологически следует различать абсолютную доисторию - до возникновения великих культур древности около 4000 до н. э.- и относительную доисторию, современную развитию этих извест-

61

ных по документам культур, которая шла отчасти в непосредственной близости от них и под их влиянием, отчасти же вдали от них и почти не соприкасаясь с ними; в одном случае это - доистория будущих культурных народов, таких, как народы германского и славянского мира, в другом - продолжающаяся доистория сохранившихся до наших дней первобытных народов.

4. Что произошло в доисторический период?

Необозримые дали времени, когда человек уже существовал, в основе своей остаются для нас тайной. Это время молчания истории, хотя именно тогда должно было произойти то, что наиболее существенно для нас.

Первое становление человека - глубочайшая тайна, до сих пор совершенно нам недоступная, непонятная. Такие обороты речи, как «постепенно», «переход», лишь маскируют ее. Можно, конечно, фантазировать по поводу возникновения человека, однако эти фантазии очень быстро оказываются несостоятельными: представление о человеке всегда уже есть в момент, к которому относят его становление.

К тому же нам не известен даже окончательный, удовлетворительный ответ на вопрос: что такое человек? Исчерпывающий ответ на него мы дать не можем. Мы, собственно говоря, не знаем, что такое человек, и это также относится к сущности нашего человеческого бытия. Ясное представление о становлении человека в доистории и истории означает также ясное представление о сущности человеческого бытия.

К доистории относятся два момента - биологическое развитие человека и его происходившее в доистории историческое развитие, которое, несмотря на отсутствие письменности, тем не менее создавало передачу навыков. То и другое следует разделять как реальность и как объект исследования различного типа.

Биологическое развитие создает наследуемые свойства, историческое развитие - только передачу опыта. То, что наследуется, носит постоянный характер. То, что передается, может быть в кратчайший промежуток времени уничтожено и забыто. Биологическая реальность постигается в образе, в функции и в психофизических свойствах человеческого организма; реальность передачи - в речи, поведении, труде.

В процессе становления человека в течение многих тысячелетий фиксировались, по-видимому, в качестве наследуемых биологических свойств существующие теперь основные черты человека. В историческое время, напротив, человек биологически, по-видимому, не менялся. А. Портман* полагает, что «нет ни малейших признаков того, что в рамках научно контролируемой исторической эпохи изменялись бы задатки новорожденных». Способы рассмотрения и соответствующие им реальности - биологическая и исто-

62

рическая - не совпадают. Создается впечатление, будто одно, историческое, развитие человека, которое формирует человека, продолжает другое, биологическое. То, что мы называем историей, по-видимому, не имеет ничего общего с биологическим развитием.

Между тем в человеческой природе биологические и исторические черты на самом деле неразрывно связаны. Как только мы производим разделение понятий, возникает ряд вопросов. К каким биологическим последствиям может привести историческое развитие? Какие биологические реальности могут послужить причиной тех или иных возможностей истории?

Быть может, сама биологическая природа человека, если ей удастся достигнуть своего завершения, будет в какой-то степени отличаться от биологической природы других существ.

Однако каким образом биологическое развитие человека и его историческое преобразование воздействовали друг на друга, в целом также остается от нас скрытым. У нас есть сведения о поразительных фактах, относящихся к истории и к современной нам действительности, к доисторическому периоду и к жизни народов на стадии первобытного существования, на основании которых мы строим гипотезы о причинах этих фактов и о предшествующем им развитии. Это - попытки, в рамках которых постановка вопросов оправдана, полученные же ответы, вероятно, сплошь неверны вплоть до сегодняшнего дня.

Остановимся на том, какие свойства человека обращают на себя наше внимание в этой двойственной по своему характеру доистории.

Биологические свойства человека. На вопрос, чем человек отличается от животного, обычно отвечают: прямохождением, большим весом мозга, соответствующей этому формой черепа и высоким лбом, развитой рукой, гладкой кожей, только человеку присущей способностью смеяться и плакать и т. д. Хотя морфологически человек должен быть причислен к зоологическим формам жизни, он по своим физическим свойствам, вероятно, не имеет себе равных. Его тело - выражение души. Существует специфическая красота человеческого тела. Однако объективно и понятийно в качестве общего положения особенность человеческого тела еще не может быть доказана принципиально; она проявляется лишь в отдельных феноменах, которые не дают права выносить общее суждение.

Наибольшую значимость имеет следующее общее положение: все животные развивают органы, соответствующие особенностям определенной среды, определяющей их жизнь. Эта специализация определенных органов ведет к тому, что все животные превосходят человека какими-либо особыми свойствами. Однако это превосходство означает вместе с тем и сужение. Человек избежал подобного специфического развития каких-либо отдельных органов. Вследствие этого он, уступая животным в развитии отдельных органов, превосходит их по своим потенциальным возможностям, благодаря своей неспециализированности. Недостаточное разви-

63

тие отдельных свойств заставляет человека - а его превосходство позволяет ему - с помощью присущего ему сознания построить свое бытие совсем иным образом, чем все животные. Именно это, а совсем не структура его тела является причиной того, что он может жить в любых климатических поясах и зонах, в любых ситуациях и в любой среде.

Если человек уже изначально является существом, избегающим всякого окончательного утверждения своих возможностей, то при всей его слабости по сравнению с животными он должен превосходить их по своему мышлению и духовному развитию. Благодаря неспециализированности органов для него оказалась открытой возможность преобразования среды посредством замены развитых органов орудиями. Поскольку человек (по сравнению с животными) хрупок, он может силою свободного решения стать на путь духовного преобразования, ведущего к необозримым высотам. Вместо того чтобы, подобно животному, бесконечно повторять один и тот же круговорот естественного процесса жизни, он оказался способен создать историю. Природа имеет историю лишь в качестве неосознанного, по человеческим масштабам бесконечно медленного, необратимого изменения. Человек же совершает историю, на основе повторяемости своего естественного существования (которое в исторически обозримые времена остается одним и тем же), что свойственно жизни вообще, но в качестве осознанного быстрого изменения посредством свободных актов и творений духа.

Можно фиксировать биологические свойства, которые, правда, отличают человека от животного, но остаются в плоскости неспецифически человеческого. Так, например, существуют такие биологические предрасположенности, как предрасположенность к психозам, свойственная только и исключительно людям, хотя людям всех рас. Существуют такие черты человеческого характера, подобно некоей своеобразной злобе, которые присущи отнюдь не всем животным, но, правда, наблюдаются у некоторых обезьян. У шимпанзе мы обнаруживаем нечто вроде биологических свойств, сложившихся задолго до появления человека, - добродушие и склонность мучить, а также проявление интеллекта и глупости. Быть может, существует в этом смысле и биологическое бытие человека. Наши подсознательные влечения, склонности уходят своими корнями в биологические пласты и могут подчас ощущаться как нечто чуждое, пугающее нас.

Все это еще нельзя считать специфически человеческими свойствами. Определить специфические черты человека посредством исследования его биологической природы впервые попытался А. Портман (11).

Он обращает внимание, например, на следующее: новорожденный младенец отличается от детенышей животных (его органы чувств достаточно развиты, вес мозга и тела значительно больше, чем у обезьян), и при всем том его можно считать едва ли не преждевременно родившимся, настолько он беспомощен. Он не может ни стоять, ни бегать. В течение первого года жизни человека созре-

64

вают те функции, которые у сосунков животных формируются еще до рождения. Человек живет в первый год своей жизни уже в мире, хотя, если сравнивать его с детенышами животных, он как будто должен был бы еще формироваться в утробе матери. Так, его спинной хребет обретает форму только тогда, когда он научается прямо держаться и стоять. Происходит это вследствие инстинктивного стремления подражать взрослым, под влиянием их интереса и побуждения к этому; ясно одно: исторически сложившаяся среда является одним из факторов, влияющих на формирование человека. В самой биологической сфере уже действует дух. Вероятно, переживания и опыт первого года жизни, года биологического созревания элементарных функций человеческого организма, которые животные обретают уже в эмбриональном состоянии, имеют первостепенное значение, окрашивающее всю дальнейшую жизнь человека.

Короче говоря: «В отличие от всех приматов человек обретает свойственную ему форму существования «на свободе», в открытом соотношении со всем богатством красок и форм, с живыми существами, и прежде всего с самими людьми», тогда как животное рождается с уже сложившейся формой своего существования.

Тем самым Портман видит своеобразие человека не в явных морфологических и физиологических особенностях его тела. Для характеристики человека недостаточно проследить, как контуры обезьяньей челюсти сменяются челюстью доисторического человека и неандертальца и, наконец, выступающим подбородком современного человека.

Существенно не это, а форма человеческого бытия в его целостности. «В человеке мы обнаруживаем совершенно особую форму жизни. Несмотря на то, что многое в человеке сближает его с телом и поведением животного, человек в целом структурирован совсем по-иному. Каждый член нашего тела, каждое наше движение выражает эту особенность, которой мы не даем какого-либо наименования, но своеобразие которой постоянно стараемся тщательно выявлять во всех феноменах человеческой жизни».

Пытаясь понять биологические свойства человеческой природы, мы сразу же наталкиваемся на то, что они перестают быть только биологическими. Совершенно очевидно, что человек в целом не может быть понят методами биологического исследования, однако столь же очевидно, что во всех своих конкретных действиях он обнаруживает и свою биологическую реальность и может быть постигнут биологически, т. е. посредством тех категорий, которые служат для изучения жизни всего животного и растительного мира. Однако вместе с тем само понятие биологического означает в применении к человеку нечто большее, а именно то, что отличает человека от всех остальных живых существ, что контрастирует со всеми бесконечными формами идентичностей и аналогий.

Если, следовательно, в человеческой природе биологическая реальность неотделима от духовной, то это означает следующее: человек не может быть понят прежде всего как постепенно разви-

65

вающийся зоологический вид, к которому в один прекрасный день в качестве чего-то принципиально нового присоединился дух. Человек и по своей биологической природе с самого начала должен быть чем-то совершенно отличным от всех иных форм жизни

Иногда биологическую особенность человека пытаются понять как результат доместикации *, аналогично тому, как одомашненные животные изменяют свою сущность. Согласно этому представлению, не человек создал культуру, а культура создала человека. Оставляя в стороне вопрос, откуда же взялась культура, мы не располагаем и чисто биологическими данными о следствиях доместикации в целом.

Портман следующим образом определяет решающие моменты этого процесса:

1. Вес человеческого мозга увеличился, тогда, как известно, что мозг животных после доместикации уменьшается в весе.

2. Процесс полового созревания человека в значительной степени замедляется - для домашних животных характерна, как правило, ранняя половая зрелость.

3. Исчезновение обычного для животных периода течки определялось как признак доместикации. Однако это свойственно и живущим на воле приматам. Здесь перед нами, следовательно, эвентуальный* признак приматов, который следует понимать скорее как предпосылку культуры, чем ее следствие.

4. Отсутствие у человека волосяного покрова - это не только негативное свойство, но и позитивное - повышенное чувство осязания.

Правда, и у человека обнаруживаются некоторые следствия доместикации (например, кариес зубов), однако они не определяют специфические свойства человеческой природы.

Вопрос о конститутивном различии человеческих рас - белых, негров и желтой расы - уходит в далекое прошлое. В историческую эпоху расовые признаки относительно неизменны, но корни их находятся в глубинах доистории.

Все расы, в свою очередь, образовались посредством смешения и являют собой движущиеся в процессе отбора и изменения формы человеческой природы. Смешения великих рас происходили с давних пор. В Индии смешение белой и желтой рас достигло такой степени, что уже почти нет потомков некогда переселившихся туда белых людей. В древности смешения белых и негров происходили редко, в течение последних трех столетий - чаще. Смешение белых с индейцами создало многочисленное население.

Чистые расы - всегда лишь идеальные типы. Не было в действительности такого времени, когда существовали замкнутые в себе, не подверженные изменению и смешению расы; это лишь пограничная ситуация. Она создает предпосылку наличия изолированных чистых рас. К тому же доистория как будто свидетельствует о расах, которых в настоящее время больше нет. Мы не обнаруживаем одну прарасу, из которой возникли все остальные, и не обнаруживаем ряд первичных прарас, служивших в своем различии

66

очевидным отправным пунктом всего развития человечества. Перед нами волнуемое море различных образов, четкие контуры которых возникают лишь на поверхности, иллюзорно, лишь на мгновение, не навсегда и не абсолютно. Как на самом деле возник и развивался человек в необозримых далях доистории, никому не известно и, вероятно, никогда не станет известным.

Исторические данные. Мы ничего не знаем ни о созидających моментах истории, ни о ходе духовного становления, нам известны только результаты. И на основании этих результатов нам приходится делать выводы. Мы задаем вопрос о том, что явилось существенным в превращении человека в человека в мире, который он создает; о том, какие открытия он сделал в опасных ситуациях, в своей борьбе, руководимый страхом и мужеством; как сложились взаимоотношения полов, отношение к жизни и смерти, к матери и отцу. Существенным является здесь, вероятно, следующее:

1. *Использование огня и орудий.* Живое существо, не имеющее ни того ни другого, мы вряд ли сочли бы человеком.

2. *Появление речи.* Радикальное отличие от взаимопонимания животных посредством спонтанного выражения своих ощущений составляет присущая только человеку способность выражать осознаваемый в речи и передаваемый ею смысл предметного мира, который является объектом мышления и речи.

3. *Способы формирующего человека насилия над самим собой, например, посредством табу.* В самой природе человека заложено то, что он не может быть только частью природы; напротив, он формирует себя посредством искусства. Природа человека - это его искусственность.

4. *Образование групп и сообществ.* Человеческое сообщество коренным образом отличается от инстинктивно-автоматически созданных государств у насекомых. Основное отличие человеческого сообщества от групп и отношений господства и подчинения, образуемых приматами, состоит в осознании людьми его смыслового значения.

Существует, по-видимому, специфически человеческий феномен - социальная жизнь людей завершается образованием государства, что является преодолением ревности как проявления полового инстинкта посредством мужской солидарности.

В то время как у животных обнаруживаются либо временные объединения в стада, разбредаящиеся в каждый период течки, либо длительные сообщества, возможные благодаря асексуальности большинства особей, как, например, у муравьев, только человек был способен, не отказываясь от потребностей пола, создать мужскую товарищескую организацию, напряженность которой стала предпосылкой жизни людей в истории.

5. Жизнь, формируемая *мифами*, формирование жизни посредством образов, подчинение всего существования, семейного уклада, общественного устройства, характера труда и борьбы этим образам, которые в своем бесконечном толковании и углублении по

67

существу являются просто носителями самосознания и осознания своего бытия, дают ощущение укрытости и уверенности, - все это в своих истоках неразлично. В начале истории и позже человек живет в этом мире. Пусть визионерское видение Бахофена и сомнительно по своей исторической достоверности, неубедительно по своим документальным данным, оно, тем не менее, выявляет некую основу, имеющую первостепенное значение как по своей общей направленности, так, вероятно, и во многих отдельных чертах

5. Общая картина доистории

В недоступных нашему определению временах и эпохах происходило расселение людей на земном шаре. Оно шло внутри ограниченных областей, было бесконечно разбросанным, но вместе с тем носило всеобъемлюще единый характер: великие медленные процессы незаметного образования рас, речи и мифов, неуловимого распространения технических открытий, странствований. Все эти события еще неосознанны, и, будучи, правда, уже явлениями человеческой жизни, своими корнями еще уходят в мир природы.

Одни объединения людей влекут за собой другие, люди знают друг о друге, взирают друг на друга. Разбросанность устраняется в борьбе, создаются новые, большие объединения. Они служат переходом к истории, начало которой связано с появлением письменности.

Доистория - это величайшая реальность, ибо в ней возник человек, однако реальность эта нам, по существу, неведома. Но едва только мы задаем себе вопрос, что мы, люди, собственно, такое, и пытаемся найти ответ в познании того, откуда мы пришли, мы сразу же обращаемся к доистории, стремясь проникнуть в ее глубины. Тьма этих глубин обладает притягательной силой, мы с полным основанием устремляемся к ним, но нас всегда ждет разочарование, уготованное невозможностью их познать.

6. Проблема взаимосвязанности всех людей

На вопрос, связаны ли мы, люди, друг с другом и каким образом, доистория могла бы в существенной мере дать ответ, установив, какому происхождению человека - монофилетическому или полифилетическому - следует отдать предпочтение.

Люди существуют в многообразии рас. Являются ли эти расы разветвлениями одного ствола, или это самостоятельные линии развития, корни которых уходят в жизнь, еще не знающую человека, и человек, таким образом, как бы возникает несколько раз? Все свидетельствует в пользу монофилетического, а не полифилетического происхождения человека

Прежде всего данные о том, что в Америке нет ранних находок

68

ископаемого человека. На поздней стадии доистории Америку, по-видимому, заселили люди, перебравшиеся сюда с севера, из Азии через Берингов пролив. Очевидно, во всяком случае, что на этом континенте не было самостоятельного очага возникновения человека, несмотря на то, что индейцы обладают резко выраженными специфическими расовыми признаками.

Биологически в пользу монофилетического происхождения говорит, и способность всех рас порождать при скрещивании потомство, которое в свою очередь имеет потомство; в духовном аспекте об этом свидетельствует совпадение основных проявлений человеческой природы, которое становится очевидным при сравнении человека с приматами. Расстояние, отделяющее человека от животного, несравненно больше, чем расстояние, разделяющее людей самых отдаленных рас. По сравнению с дистанцией между человеком и животным между всеми людьми существует близкое родство. Все наши глубочайшие различия, различия в характерах, отдаленность друг от друга, доходящая до полного взаимного непонимания, до возникновения смертельной вражды, наше ужасающе безмолвное отчуждение при душевной болезни или в страшной реальности концентрационных лагерей, все это - мука, в действительности порожденная родством, забытым или заблудившимся на пути к своему осуществлению. Однако попытка уйти от людей к животным или к животному - по существу не что иное, как бегство от действительности, самообман.

Эмпирически решить вопрос о монофилетическом или полифилетическом происхождении человека невозможно, ибо мы ничего не знаем о его биологическом происхождении. Поэтому человек - это идея, а не доступная эмпирическому познанию действительность.

Однако противопоставить всем этим аргументам можно следующее: связь между людьми основана не на их биологических свойствах, а на том, что они могут понять друг друга, на том, что все люди обладают сознанием, мышлением, духом. В этом состоит глубочайшее родство между людьми, тогда как от животных, даже наиболее им близких, людей отделяет бездна.

Поэтому взаимосвязь между людьми и их солидарность нельзя выводить из эмпирических исследований, даже в том случае, если они дают нам какие-либо указания, или опровергать, основываясь на эмпирических данных. Монофилетическое или полифилетическое происхождение человека, по существу, не является решающим моментом. Речь ведь здесь идет об исторически сложившейся вере людей в то, что они связаны друг с другом и что предпосылкой этой связи служит бездна, отделяющая их от животного мира.

Из этой веры рождается определенное стремление. Для человека, по мере того как он осознает самого себя, другой человек никогда не есть только естественный организм, только средство. Свою собственную сущность он познает как долженствование. Это долженствование глубоко проникает в его реальность, становится как бы его второй натурой. Однако оно отнюдь не столь же

незыблемо, как законы природы. С людоедством покончено, однако оно в любой момент может опять появиться. Истребление людей происходило и происходит в громадном масштабе после того, как оно уже считалось невозможным. Условием нашего человеческого бытия является солидарность людей, озаряемая естественным и человеческим правом, постоянно нарушаемая и всегда вновь заявляющая о своих требованиях.

Отсюда специфически человеческое чувство удовлетворения, возникающее при взаимопонимании даже наиболее отдаленных друг от друга людей,- желание видеть в человеке человека, подобно тому, как Рембрандт изображает негра или как это формулирует Кант, утверждая, что человек никогда не должен рассматриваться как средство, но всегда как самоцель*.

IV. ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНОСТИ

1. Общий обзор

Почти одновременно в трех областях земного шара возникают древнейшие культуры. Это, во-первых, шумеро-вавилонская и египетская культуры и эгейский мир с 4000 г. до н. э.; во-вторых, открытая в раскопках доарийская культура долины Инда третьего тысячелетия (связанная с Шумером); в-третьих, смутно сквозящий в воспоминаниях, оставивший скудные следы архаический мир Китая второго тысячелетия до н. э. (и, вероятно, еще более ранний).

Вся атмосфера внезапно меняется. Здесь уже не царит молчание. Теперь люди говорят в письменных документах друг с другом и тем самым с нами, если только мы постигаем их письменность и язык,- говорят посредством архитектурных памятников, предполагающих организацию и государственность, своих произведений искусства, где чуждый нам смысл скрыт в привлекательных для нас формах.

Однако этим высоким культурам неведом еще тот духовный переворот, который мы определили как осевое время, создавшее тип - нового, современного нам человека. С названными культурами можно сопоставить американские культуры Мексики и Перу, расцвет которых, правда, относится к более поздним тысячелетиям. Г И этим культурам также недостает того, что еще до них дало нам осевое время. Они исчезли при одном только возникновении закладной, выросшей из осевого времени культуры.

В полосе пустыни, тянущейся от Атлантического океана через Африку, Аравию до глубинных районов Азии есть помимо многих мелких оазисов две большие долины рек - долина Нила и Двуречье. В этих двух районах можно глубже, чем где-либо, проследить по документам и вещественным памятникам историю человечества. Мы видим теперь, что происходило там около 3000 лет до н. э., и, основываясь на следах прошлого, выводим свои заключения об еще более раннем времени. В Китае нам едва доступны со-

бытия, выходящие за пределы второго тысячелетия; а отчетливые и подробные сведения датируются первым тысячелетием. Раскопки в Индии свидетельствуют о высокой цивилизации, о наличии там в третьем тысячелетии до н. э. развитых городов, но они еще изолированы и едва ли находятся в какой-либо связи с более поздней культурой Индии, начало которой относится примерно к концу второго тысячелетия до н. э. В Америке все произошло значительно позже, на рубеже нашей эры. Раскопки на территории Европы знакомят нас с жизнью доисторических людей, с их специфической культурой вплоть до третьего тысячелетия, однако эта культура не обладает чертами,

способными оказать на нас существенное воздействие. Наше внимание и интерес к ней объясняются в данном случае только тем, что это - наша собственная доистория.

Египетская и вавилонская культуры стали в своей поздней стадии известны грекам и иудеям, жившим неподалеку от них, и с той поры превратились для Запада в воспоминание, которое, однако, только теперь благодаря раскопкам и пониманию древних языков стало действительно зримым в своем пути через тысячелетия. Культура долины Инда стала нам известна только благодаря раскопкам, и раскопкам нескольких последних десятилетий; индийцы не сохранили о ней никакого воспоминания (письменность этой культуры еще не расшифрована).

Китайская традиция идеализирует основу своей культуры, заложенную во втором тысячелетии и ранее. Раскопки обнаружили лишь незначительные ее следы.

2. Какие события непосредственно вели к началу истории?

Мы задаем вопрос: каковы те реальные события, с которых началась история? Быть может, существенным надлежит считать следующее:

1. Задача *организации ирригационной системы* и ее регулирования в долинах Нила, Тигра, Евфрата и Хуанхэ с необходимостью ведет к централизации, к созданию управленческого аппарата, государства.

2. Открытие *письменности* - предпосылки этой организации - относится, по Грозному*, приблизительно к 3300 г. в Шумере, к 3000 г. в Египте, к 2000 г. в Китае (алфавит был изобретен финикийцами лишь в последнем тысячелетии до н. э.). Возникает вопрос, сделано ли это открытие в каком-либо одном месте (в Шумере) или в разных местах независимо друг от друга. Значение письменности для управления привело к росту влияния писцов в качестве духовной аристократии.

3. Возникновение *народов*, осознающих свое единство, с общим языком, общей культурой и общими мифами.

4. Позже - *мировые империи* сначала с центром в Месопотамии. Непосредственной причиной их возникновения была необхо-

71

димость остановить постоянные вторжения кочевых племен на культивируемые земли посредством завоевания всех соседних земель и самих кочевых племен (возникли мировые империи ассирийцев, египтян, наконец, государство нового типа у персов, а затем, быть может, по его образцу, государство индийцев и еще позже китайцев)

5. Использование *лошади* - но только в развитых великих культурах древности - для боевых колесниц, для езды верхом. Это привело к тому, что человек оторвался от привычной почвы, ему открылись дали и свобода передвижения, возможность создания новой, превосходящей прежнюю боевой техники; к появлению господствующего слоя, способного приручить лошадь и подчинить ее своей воле, проявить личное мужество наездника и воина, оценить красоту животного.

События, открывающие историческую эру, ведут к более глубокому вопросу: что же произошло с человеком, что заставило его перейти из неисторического существования в историю? Какие, собственно, черты его сущности привели к началу истории.

Каковы основные характерные черты исторического процесса, отличающие его от доистории? Речь идет о таком ответе, который связан с внутренними глубинами человеческой сущности. Мы хотим узнать не о внешних событиях, а о внутреннем преобразовании человека.

Истории предшествовало становление и преобразование, свойственное в значительной степени как человеку, так и природным явлениям. Скачок из этого простого существования в историю характеризуется, вероятно, следующим:

1 Сознанием и воспоминанием, передачей духовного достояния - тем самым совершается освобождение от того, что составляет только настоящее.

2. Рационализацией какого-либо значения и содержания посредством техники - тем самым совершается освобождение от жизненно необходимой связи с обусловленной случайностью, предусмотрительностью и гарантированностью.

3. Наличием в качестве примера и образца людей, чьи дела, свершения и судьбы постоянно стоят перед мысленным взором их потомков в качестве деяний правителей и мудрецов,- тем самым создается основа для освобождения от глухого самосознания и страха перед демонами.

Исторический процесс - это непрерывное преобразование условий, знания, содержания в их непосредственном явлении, но такое преобразование, при котором возможно и необходимо отношение всего ко всему, связь традиций, всеобщая коммуникация.

В чем причина того, что человек совершает скачок? Совершая его, он не осознавал, к чему это приведет, и не стремился к этому. С ним что-то произошло. Он не является, подобно всем остальным живым существам, столь же ограниченным, сколь завершенным в своей специфичности, напротив, он безгранично открыт по своим возможностям, незавершен и незавершим в своей сущности. То,

72

что изначально было заложено в человеке, что, несомненно, действовало уже в доистории в качестве зародыша истории, с силой вырвалось на поверхность, когда началась история

Этот скачок в развитии человека, следствием которого была история, может быть воспринят и как несчастье, постигшее человека; согласно этому взгляду здесь произошло нечто непостижимое, грехопадение, вторжение чуждой силы; все, что создает историю, в конечном итоге уничтожает человека; история - процесс разрушения в образе некоего, быть может грандиозного, фейерверка; этот процесс следует повернуть вспять, вернуть к тому, что было вначале; на завершающей его стадии человек вернется к блаженному состоянию своего доисторического бытия.

Но этот скачок можно воспринимать и как чудесный дар человеческой природы и в том, что человек совершил его, видеть высокое предназначение человека, его путь к небывалому постижению и неслыханным высотам, доступным ему в силу его незавершенности. История превратила человека в существо, стремящееся выйти за свои пределы. Только в истории он ставит перед собой свою высокую задачу. Никто не знает, куда она его приведет. Несчастье и беды также могут служить ему стимулом к возвышению. Лишь в истории формируется то, чем человек по существу является: а) Из первичных истоков течет поток заложенных в человеке субстанциальных возможностей. Однако сами они становятся очевидными, преисполненными богатого содержания, лишь войдя в эру истории, по мере того как они освещаются, утверждаются, усиливаются, теряются, вспоминаются, вновь возвышаются. Им необходима рационализация, которая сама по себе совсем не есть нечто первичное, а есть лишь средство восстановления истоков и конечных целей.

б) Вместе со скачком в историю осознается преходящий характер всего. Все в мире отведено определенное время, и все обречено на гибель. Но только человек знает, что он должен умереть. Наталкиваясь на эту пограничную ситуацию, он познает вечность во времени, историчность как явление бытия, уничтожение времени во времени. Его осознание истории становится тождественным осознанию вечности.

в) История - это постоянное и настойчивое продвижение вперед отдельных людей. Они призывают других следовать за ними. Те, кто их слышит и понимает, присоединяются к этому движению. Однако вместе с тем история остается и просто совокупностью событий, где постоянно раздаются напрасные призывы, которым не следуют и от которых отстают. Некая огромная сила инерции как будто постоянно парализует все порывы. Мощные силы громадных масс с их усредненными запросами душат все то, что не соответствует им. Все то, что не находит места и не имеет смысла с точки зрения массовых требований, что не встречает веры, должно исчезнуть. История - это ве-

ликий вопрос, еще не получивший решения, который будет решен не мыслью, а только самой действительностью, вопрос этот сводится к тому, является ли

73

история в своем порыве лишь мгновением, промежуточным звеном между неисторическими существованиями, или это прорыв глубинных возможностей, которые даже в образе безграничных несчастий, подвергаясь опасностям и постоянным крушениям, в целом ведут к тому, что бытие будет открыто человеком, а он сам в непредвидимом взлете обретет свои неведомые дотоле возможности.

3. Общность и различия великих культур древности

Общие черты -организация большого масштаба, письменность, ведущая роль слоя писцов - способствуют возникновению человека, который, будучи продуктом рафинированной культуры, все-таки еще как бы не вполне пробудился. Специфическая техническая рационализация соответствует состоянию неполного пробуждения без подлинной рефлексии.

В крупных сообществах все подчинено зримым картинам бытия, связано безусловными нормами. Это - не вызывающее сомнения фактическое бытие, которое высказывают и которому следуют. Основные человеческие проблемы заключены в рамки священного знания магического характера, они не перешли в беспокойные поиски, если не считать нескольких поразительных подступов к этому (следы пробуждения, которые остаются нераскрытыми). Значительное развитие обретает мысль о справедливости в Египте, и особенно в Вавилоне. Однако вопрос о смысле не ставится со всей отчетливостью. Создается впечатление, что ответ уже есть до постановки вопроса.

Сходство состояний и хода развития заставляет искать общую основу. Во все времена орудия и идеи медленно распространялись по земному шару. Мы ищем центр, из которого шло бы такое распространение нового. Именно поэтому возникает гипотеза об основополагающем универсальном значении Шумера на Евфрате, громадное влияние которого достигло Египта и Китая. Однако степень этого влияния не доказана. Возникает и сомнительная гипотеза о культурном центре в Азии - где-то в Западном Курдистане, у Каспийского моря,- о процветавшем ранее в период более влажного климата центре культуры, откуда вследствие наступившей засухи произошло переселение жителей по самым различным направлениям. Это и было началом возникновения культур на Азиатском и Европейском континентах от Китая до Египта. Однако, мысленно погружаясь в глубины доистории, мы не обнаруживаем для этого какой-либо твердой, подтвержденной опытом основы.

Если общие черты, быть может, все-таки имеют единое основание, то оно сводится для нас к совершенно неопределенному представлению о доисторических глубинах Азии. Была

74

долгая общая доистория всей Азии, чьим полуостровом является Европа.

Однако и различия между великими культурами древности также значительны. В каждом данном случае мы ощущаем весьма своеобразный дух некоей целостности. В Китае есть только подходы к мифам, изначальные космические представления о мировом порядке, о порядке в мерах и числах, живое созерцание природы, обладающее естественной человечностью. Культуре Двуречья присуща известная жесткость и сила, нечто драматическое, обретающее трагические черты в раннем эпосе о Гильгамеше. В Египте мы видим веселье и жизнерадостность в интимной сфере наряду с маскировкой нивелирующего принуждения к труду, видим чувство стиля в торжественном величии.

До самых глубин духа доходит различие языков. Китайский язык столь радикально отличается от западных языков, и не только по корням слов, но и по всей своей структуре, что здесь едва ли можно говорить об общем происхождении. Если же оно все-

таки имело место, то процесс, который привел к этому различию, должен был быть таким длительным, что гипотеза об общем происхождении из живой культуры, сложившейся на рубеже доистории в Центральной Азии, становится весьма маловероятной.

Совершенно различно и отношение к великим культурам древности более поздних культур. Греки и иудеи воспринимали их как нечто далекое и чуждое; они знали о них и сохраняли память о них, взирали на них с робостью и удивлением, но и с известным презрением. Индийцы более позднего времени ничего не знали о древних культурах, они полностью забыли о них. Китайцы осевого времени видели в великой культуре древности свое прошлое, продолжающееся без перерыва, без надлома, без ощущения нового (разве только в виде упадка); они видели в ней идеализированные, подчас приближающиеся к мифу черты, созданный творческой фантазией образец.

Однако подлинного исторического движения в великих культурах древности не было. Тысячелетия, наступившие после изначальных грандиозных творений, были в духовном отношении сравнительно стабильным, не знающим движения временем, но временем неотступно повторяющихся переселений народов из Центральной Азии, завоеваний и переворотов, взаимоуничтожения народов и их смешения - временем постоянного воссоздания древней, лишь прерываемой катастрофами культуры.

Поэтому история этих тысячелетий изобилует событиями, которые, однако, еще не носят характер исторических решений человека.

75

V. ОСЕВОЕ ВРЕМЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Забегая вперед, мы уже дали характеристику осевого времени. Сделали мы это потому, что понимание его сущности имеет центральное значение для представления о мировой истории.

Для занятий философией истории осевое время является сферой самого продуктивного, плодотворного исследования.

Это время можно рассматривать как промежуточную фазу между двумя эпохами великих империй, как передышку, отданную свободе, как облегченный вздох в сфере наиболее ясного сознания.

1. Структурирование мировой истории осевым временем

Осевое время служит ферментом, связывающим человечество в рамках единой мировой истории. Осевое время служит масштабом, позволяющим нам отчетливо видеть историческое значение отдельных народов для человечества в целом.

Глубочайшее разделение народов определяется тем, как они относятся к великому прорыву осевого времени.

Мы различаем:

1. *Осевые народы*. Это те народы, которые, последовательно продолжая свою историю, совершили скачок, как бы вторично родились в нем, тем самым, заложив основу духовной сущности человека и его подлинной истории. К этим народам мы относим китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков.

2. *Народы, не знавшие прорыва*. Прорыв был решающим по своему универсально-историческому значению, но не повсеместным событием. Ряд народов великих культур древности, существовавших до прорыва в осевое время и даже одновременно с ним, не были им затронуты и, несмотря на одновременность, остались внутренне чужды ему.

К осевому времени еще относится период расцвета египетской и вавилонской культур, хотя и с несомненными признаками поздней стадии. Обе они не знали преобразующей человека рефлексии: не испытали метаморфозы, соприкасаясь с осевыми народами, и не реагировали на прорыв, который произошел вне сферы их непосредственно-

го существования. Они остались, по существу, такими же, какими они были раньше в качестве предшествующих осевому времени культур, достигнув громадных успехов в области организации государственной и общественной жизни, в архитектуре, пластике и живописи, в создании своей магической религии. Однако все это происходило уже на стадии медленного умирания. Будучи в своем внешнем существовании подчинены новым силам, эти народы утратили и свою внутреннюю культуру, которая в каждом отдельном случае перерождалась: в Месопотамии - в персидскую, а затем в сасанидскую культуру и ислам; в Египте - в римскую и христианскую, позже в ислам.

76

Обе названные выше культуры - египетская и вавилонская - обладали всемирно-историческим значением, ибо, воспринимая их, отправляясь и отстраняясь от них, углубляясь в соприкосновении с ними, утверждалась как культура иудеев, так и культура греков, заложивших основы Западного мира.

Древние культуры были вскоре почти полностью забыты и вновь открыты только в наше время. Они потрясают нас своей грандиозностью, но вместе с тем остаются нам чуждыми - нас разделяет пропасть, разверзшаяся между нами из-за того, что они остались вне совершившегося прорыва. Китайцы и индийцы нам бесконечно более близки, чем египтяне и вавилоняне. Величие египетских и вавилонских творений в своем роде неповторимо. Однако все то, что нам понятно и близко, возникает в новую эру, созданную прорывом. В исчезнувших впоследствии подходах мы видим, особенно в Египте, удивительное предвосхищение, как будто ожидание близости прорыва, который так и не состоялся.

Основной, решающий для истории человечества вопрос таков: следует ли сопоставлять Китай и Индию с Египтом и Вавилоном и видеть их различие лишь в том, что первые сохранились до наших дней; или же надо исходить из того, что Китай и Индия своим участием в создании осевого времени сами совершили тот основополагающий переход, который приводит к их принципиальному отличию от великих культур древности.

Еще раз повторяю: Египет и Вавилон можно сопоставить с Китаем на ранней стадии его истории и с культурой долины Инда третьего тысячелетия, но не с Китаем и Индией вообще. Китай и Индия близки Западу не только в силу того, что они существуют по сей день, но и в силу того, что они совершили прорыв в осевое время.

На этом следует кратко остановиться, подвергнув критике существующие решения этого вопроса.

Издавна принято считать, будто Китай и Индия, в отличие от Запада, не имели подлинной истории. Ибо история означает движение, изменение сущности, начатки нового. На Западе сменяют друг друга совершенно различные культуры: сначала это древнеазиатские и египетские, затем греко-римская и, наконец, германороманская. Меняются географические центры, территории, народы. В Азии же всегда остается нечто неизблемое; модифицируясь только в своем явлении, погружаясь в глубины катастрофических потрясений, оно все время вновь возникает на неизменной основе, вечно тождественное самому себе. При такой точке зрения складывается представление, что к востоку от Инда и Гиндукуша царит не знающая исторического развития стабильность, к западу же - динамическое движение истории. Тогда резкая граница между великими культурами должна проходить между Персией и Индией. До Инда европеец может еще считать, что он находится в Европе, утверждает лорд Эльфинстон (которого цитирует Гегель) (12).

77

Утверждение такого рода объясняется, как мне кажется, исторической ролью Китая и Индии в XVIII в. Лорд видел условия своего времени, а совсем не Китай и Индию в их подлинном целостном значении. В то время обе эти страны достигли самого глубокого упадка.

Разве упадок Индии и Китая, начавшийся в XVII в., не есть великий по своему значению символ того, что может произойти со всеми людьми? Разве и для нас роковой вопрос не состоит в том, как избежать возврата к азиатской основе, из которой уже вышли Китай и Индия?

3. *Последующие народы.* Все народы делятся на тех, основой формирования которых был мир, возникший в результате прорыва, и тех, кто остался в стороне. Первые - исторические народы; вторые - народы первобытные.

Элементом, политически структурировавшим новые мировые империи в мире прорыва, были македонцы и римляне. Их духовное убожество связано с тем, что они не сумели воспринять всей душой опыт осевого времени. Поэтому они были способны в историческом мире к политическим завоеваниям, к управлению, к организации, к восприятию и сохранению образованности, к непрерывности в передаче опыта, но не к его продолжению или углублению.

По-иному обстояло дело на севере. Здесь, так же как в Вавилоне и Египте, не было великого духовного преобразования. Нордические народы пребывали в дремотности примитивного состояния, однако в объективно труднодостижимой для нас сущности своей духовной направленности (Гегель называет ее нордической душой) они уже достигли субстанциальной самобытности к тому моменту, когда соприкоснулись с духовным миром осевого времени.

2. Мировая история после прорыва осевого времени

С эпохи осевого времени прошло два тысячелетия. Консолидация в мировые империи оказалась неокончательной. Эти империи рухнули; во всех трех областях друг за другом следовали эпоха воюющих государств, эпоха разрухи, переселения народов, эфемерных завоеваний и новых, быстро преходящих мгновений высоких культурных созиданий. В трех великих культурных кругах появляются новые народы: на Западе - германцы и славяне, в Восточной Азии - японцы, малайцы, сиамцы; они в свою очередь создают новые образования. Однако создавали они их в борьбе с воспринятой ими высокой культурой, посредством ее усвоения и преобразования.

Германцы стали осуществлять свою духовную миссию в мире, лишь когда они приняли участие в преобразовании человечества, которое началось тысячу лет тому назад. С того момента как они установили связь с этим миром, они начали новое продвижение, в рамках которого они по сей день выступают в качестве германо-

78

романского мира Европы. Вновь возник исторически неповторимый феномен. Теперь происходило то, что не смогла осуществить античность. Высшая напряженность человеческой сущности, отчетливость пограничных ситуаций - все то, что началось в период прорыва в осевое время, а в период поздней античности почти исчезло, теперь повторялось на равной глубине и, быть может, в большем объеме, хотя это происходило не впервые и не самостоятельно, а изначально во взаимодействии с тем старым, что теперь воспринималось как свое собственное. Вновь делалась попытка осуществить то, что доступно человеку.

По сравнению с Китаем и Индией на Западе как будто значительно больше драматических начинаний. При наличии духовной непрерывности, подчас слабеющей, наблюдается последовательность совершенно различных духовных миров. Пирамиды, Парфенон, готические соборы - подобных различий в рамках исторической последовательности нет в Китае и Индии.

Однако и в Азии нельзя говорить о стабильности. В Китае и Индии также были века молчания, подобно нашей эпохе переселения народов*, когда все как будто погружалось в хаос, из которого затем возникала новая культура. И в Азии - в Индии и Китае - происходили географические перемещения вершин культуры и политических центров,

и носителями происходившего движения становились различные народы. Отличие от Европы не радикально, аналогия полностью сохраняет свое значение: творческая эпоха осевого времени, вслед за ней перевороты и возрождения, вплоть до того времени, когда начиная с 1500 г. Европа вступает на путь» своего неведомого ранее продвижения вперед, тогда как культуры Китая и Индии именно в это время находятся в стадии упадка».

После того как совершился прорыв осевого времени и сформировавшийся в нем дух стал посредством своих идей, творений, образов доступен каждому, кто был способен слышать и понимать, когда стали ощутимы безграничные возможности, все последующие народы становятся историчными в зависимости от степени интенсивности, с которой они отзываются на совершившийся прорыв, и от глубины, на которой он ими ощущается.

Великий прорыв служит как бы неким посвящением человечества в тайну неизведанных возможностей. Любое соприкосновение с ним - и впоследствии - носит характер нового посвящения. С этого момента в процессе собственно исторического развития участвуют только посвященные люди и народы. Однако это посвящение отнюдь не является загадочной, пугливо охраняемой тайной. Напротив, оно открыто дневному свету, преисполнено безграничного желания быть воспринятым, охотно допуская любые проверки и испытания, показываясь каждому; однако, тем не менее - это «открытая тайна», ибо воспринимает ее только тот, кто готов к этому, кто, будучи его перевоплощением, возвращается к самому себе.

Новое посвящение происходит в процессе интерпретации и усвоения. Сознательная передача, решающие по своему значению работы, исследования становятся обязательным жизненным элементом.

79

3. Значение индогерманских народов

С незапамятных времен народы движутся из Азии к югу. Уже шумеры пришли с севера. Начиная с 2000 г. до н. э. индогерманоязычные народы направлялись в Индию и Иран, затем в Грецию и Италию; с середины предшествующего нашей эре тысячелетия кельты и германцы вновь тревожат культурный мир южных народов; в течение некоторого времени Римская империя сдерживает их натиск, подобно тому, как Китай некогда сдерживал натиск монголов-кочевников. Затем пришли в движение германские и славянские племена эпохи великого переселения народов, затем тюркские народности, затем монголы. И лишь несколько веков тому назад прекратилось это непрерывное движение народов, направляющихся в культурные области. Окончательное завершение этого процесса связано с переходом от кочевого к оседлому образу жизни. С XVIII в. до сего дня китайские крестьяне, двигаясь с юга, безостановочно заселяют мирным путем Монголию. С севера Советское государство принуждает последних кочевников перейти к оседлому образу жизни.

Из всех этих переселявшихся в течение тысячелетий народов, движение которых определяло исторические события, мы привыкли отдавать предпочтение индогерманоязычным народам, и это справедливо, хотя и с известными оговорками.

Великие культуры древности нигде не являются индогерманскими. Индогерманский характер хеттского языка не связан с доступной нашему постижению духовной особенностью.

В прошлом индоевропейцев, относящемся ко времени великих культур древности, не обнаруживается близкий этим культурам мир, где существовали бы письменность, государство и передача опыта. Однако, по-видимому, этот мир объединялся не только языковой общностью. В нем обнаруживается глубокое единство духовного содержания - например идея отца и сына, своеобразная близость к природе.

В истории периодически появляются времена, когда прошлое слабеет и забывается, погружается в небытие, и времена, когда оно вновь узнается, вспоминается, восстанавливается и повторяется. С той поры в истории повсюду происходит возрождение (эпоха Августа, Каролингское, Оттоновское возрождение. Возрождение в узком значении этого слова, гуманистическое движение в Германии 1770-1830 гг., возрождение санскрита в XII в., конфуцианство ханьской эпохи и новое конфуцианство сунской эпохи*.

Для осевого времени и последующих тысячелетий истории Запада особое значение имели сложившиеся на индогерманской основе культуры. Эти культуры - индийцев, греков, германцев,

80

а также кельтов, славян и поздних персов - обладают общими чертами: они создали легенды о героях и эпос, открыли, оформили и осмыслили трагедийность. То, что можно сопоставить с этим у других народов - Гильгамеш в Вавилоне, сказание о битве при Кадеше в Египте, Троецарствие у китайцев, - носит совсем иной характер. То, что было создано в Индии, Персии и Греции, было одним из факторов, обусловивших характер осевого времени. Однако совсем не индогерманскими были столь существенные для осевого времени народы, как иудеи и китайцы. К тому же все индогерманские образования сложились на основе предшествовавших им великих культур в результате смешения с исконным населением и усвоением чужих традиций.

В Европе, в мире нордических народов, после соприкосновения их с осевым временем начиная с первого тысячелетия н. э. пробуждается некая до сих пор не подвергавшаяся рефлексии субстанция, родственная - сколь ни мало определенны подобные представления - тем силам, которые частично явили себя в осевое время. Лишь благодаря этому значительно более позднему соприкосновению у нордических народов происходит сублимация того, что, быть может, уже прежде подспудно существовало в виде не осознающих самих себя импульсов. В новых творениях духа создается нечто, превращенное из неодолимого упорства в движение возмущившегося духа, затем в вопрошающие поиски или из несокрушимого «Я» в свободную личность на основе самосущей экзистенции. Любое напряжение решительно доводится до крайности, в направлении только и познается, что такое человек, существование в мире, само бытие, появляется вера в трансцендентность.

4. История Западного мира

Общий аспект. История Китая и Индии не обладает тем отчетливым членением, той отчетливостью противоречий или ясностью духовной борьбы, в которой противопоставляются друг другу различные силы и мировоззрения. Западный мир ощущает полярность между Востоком и Западом не только как отличие себя от некоего другого, находящегося вне его, но несет эту полярность в самом себе. История Западного мира делится следующим образом: Три тысячи лет Вавилона и Египта до середины последнего тысячелетия до н. э.

Тысячелетие, основанное на прорыве осевого времени, история иудеев, персов, греков, римлян, в течение которой Запад сознательно конституируется с середины последнего тысячелетия до н. э. до середины первого тысячелетия н. э.

После разделения в середине первого тысячелетия н. э. на Восток и Запад в Западном мире после перерыва в 5000 лет с 1 в. н. э. начинается новая западная история романо-германских народов, которая длится уже почти тысячелетие. На Востоке

81

Константинополь оставался центром Восточной империи и культуры вплоть до XV в. без перерыва. Здесь на основе ислама и в постоянном соприкосновении как с Европой, так и с Индией формировался нынешний переднеазиатский Восток.

В ходе этих тысячелетий Запад, не боясь провалов и скачков, решительно совершал свой путь и привнес в мир радикальность, неведомую в такой степени ни Китаю, ни

Индии. Дифференциация в многообразии языков и народов была, быть может, в Индии и Китае не меньшей. Однако там эта дифференциация не становится в борьбе основной пластического отделения друг от друга, отдельных реализации, не становится историческим построением мира, где в отдельных образованиях последовательно нагнетается энергия, грозящая взорвать целое.

Значение христианства в качестве оси. Для западного сознания ось истории - Христос.

Христианство, христианская церковь является, быть может, самой великой и возвышенной формой организации человеческого духа, которая когда-либо существовала. Из иудаизма сюда перешли религиозные импульсы и предпосылки (для историка Иисус - последний в ряду иудейских пророков, осознающий свою связь с ними); от греков - философская широта, ясность и сила мысли, от римлян - организационная мудрость в сфере реального. Из всего этого возникает некая целостность, которую никто не предвидел заранее; с одной стороны, удивительно сложный конечный результат в синкретическом мире Римской империи, с другой - целое, движимое новыми религиозными и философскими концепциями, наиболее видным представителем которых был Августин. Христианская церковь оказалась способной соединить даже самое противоречивое, вобрать в себя все идеалы, считавшиеся до той поры наиболее высокими, и надежно хранить их в виде нерушимой традиции.

Однако исторически христианство как по своему содержанию, так и в своей реальности - результат поздней стадии развития. Поскольку христианство воспринималось последующим временем как основа и изначальность, в историческом понимании Запада произошел сдвиг перспективы в пользу поздней античности - подобные сдвиги происходили также в Индии и Китае. Для всего средневековья Цезарь и Август значили больше, чем Солон и Перикл, Вергилий больше, чем Гомер, Дионисий Ареопагит и Августин больше, чем Гераклит и Платон*. Последующий возврат к подлинной изначальной оси никогда не был полным, открывались лишь отдельные феномены. Так, уже в средние века были вновь открыты Аристотель и Платон, глубина пророческой религиозности нашла свое выражение в различных направлениях протестантского вероисповедания, вновь обратился к греческой культуре немецкий гуманизм конца XVIII в.

Однако решающее влияние западного христианства на Европу было не только духовным, но и политическим. Иллюстрацией этому может служить сравнительное сопоставление. С III в. н. э.

82

великие догматические религии превратились в способствующий созданию единства политический фактор. С 224 г. иранская религия стала основой империи Сассанидов; христианская религия, начиная с правления Константина, - основой Римской империи; ислам с VII в. - основой арабского государства. В отличие от сравнительно свободных культурных связей в древности, в этом гуманном мире, теперь между различными культурами разверзлась пропасть. Войны стали одновременно и религиозными войнами между Византией и династией Сассанидов, между Византией и арабами; позже войны западных государств с арабами и, наконец, военные действия во время крестовых походов. В этом преобразованном мире византийское христианство мало, чем отличалось от остальных догматических религий. Византия была в той или другой степени теократическим государством. Иным было положение на Западе. Правда, притязания церкви были здесь такими же. Однако поскольку они не реализовались, и церковь была вынуждена вступить в борьбу, она не только способствовала углублению духовной жизни, но, противостоя светской власти, стала фактором свободы. Христианство здесь способствовало тому, что поборниками свободы стали и противники церкви. Все выдающиеся государственные деятели были религиозны. Сила их воли, направленной не только на проблемы политической власти данного момента, но привносящий этос и ре-

лигию во все формы жизни и государства, была, начиная со средневековья, основным источником западной свободы.

Непрерывность в образованности Запада. Невзирая на серьезные катаклизмы, разрушения и как будто бы полный упадок, непрерывность в формировании культуры Запада не была утрачена. Во всяком случае, формы восприятия и схемы, наименования и формулы сохранялись на протяжении тысячелетий. Даже там, где была прервана сознательная связь с прошлым, осталась некая фактическая непрерывность, а за ней последовало сознательное возобновление непрерывности в развитии.

Китай и Индия всегда продолжали в своей жизни собственное прошлое, Греция, напротив, выходила за эти рамки, отправляясь от чуждого ей прошлого восточных народов, а северные народы - от по существу чуждой им культуры Средиземноморья. Для Запада характерна изначальность, возникающая как беспрерывное продолжение прошлого далеких ему народов, которое он усваивает, перерабатывает и преобразует.

Запад возник на основе христианства и античности; то и другое было воспринято им сначала в том облике, в каком поздняя античность передала их германским народам. Лишь позже произошел постепенный возврат к истокам, к библейской религии и к греческой культуре.

Со времени Сципионов* гуманизм стал формой сознания и образованности, которая в своих разветвлениях проходит через всю историю Запада и доходит до наших дней.

Западный мир создал универсальные кристаллизации, обеспе-

83

чивавшие непрерывность в формировании образованности: *imperium Romanum* и католическую церковь. Оба эти института стали основой европейского сознания, которому всегда грозил распад, но которое в своих грандиозных выступлениях против угрожающего ему чуждого элемента всегда заново конструировалось, пусть и недостаточно прочно (примером может служить эпоха крестовых походов, опасность монгольского и турецкого нашествия).

Однако тенденция к созданию единых универсальных форм образованности и ее передачи не привела здесь к мертвой застывленности духовной жизни, подобно тому как это произошло в Китае в конфуцианстве; напротив, здесь постоянно происходили прорывы, в которых европейские народы попеременно достигали своих творческих эпох, питавших затем всю европейскую культуру в целом.

Итальянский Ренессанс рассматривал себя как возрождение античности, немецкая Реформация - как возрождение христианства. И действительно, то и другое привело со временем к возрождению глубокого постижения оси мировой истории. Однако они были также, и это прежде всего, эпохами изначального создания новой западной культуры, которое началось еще до этого возрождения и шло со все возрастающей силой. Тот период мировой истории - 1500-1830 гг., который на Западе характеризуется большим числом выдающихся личностей, творениями непреходящей ценности в области поэзии и изобразительного искусства, глубочайшими религиозными порывами, наконец, открытиями в области науки и техники, следует считать непосредственной предпосылкой нашей духовной жизни.

VI. СПЕЦИФИКА ЗАПАДНОГО МИРА

Если в прошлом европейское сознание отстраняло как чуждую себе всю историю человечества, предшествовавшую грекам и иудеям, и оттесняло все то, что находилось вне его собственной духовной жизни, в обширную область этнографии, помещая творения этих культур в этнографические музеи, то в этой давно уже пересмотренной точке зрения, тем не менее, заключена некоторая истина.

Уже в осевое время, когда наблюдалась наибольшая близость между культурами от Китая до Запада (впоследствии развитие шло в различных направлениях), отклонения были. Тем не менее, перед лицом нашего современного мира, в сравнении с ним нельзя не заметить сходства между отдельными сферами культуры вплоть до 1500 г. н. э. В последние века появилось, однако, нечто действительно неповторимое, новое в полном смысле этого слова: наука и ее

84

результаты в технике. Она внутренне и внешне революционизировала мир, как до нее ни одно явление памятной нам истории. Наука принесла в мир неслыханные возможности и опасности. Век техники, в котором мы пребывали уже около 150 лет, достиг полного расцвета в последние десятилетия, и степень его интенсивности в будущем трудно предвидеть. Невероятные последствия этого мы осознаем лишь отчасти. Создана новая основа всего существования в целом, игнорировать которую невозможно.

Наука и техника возникли у романо-германских народов. Тем самым эти народы совершили исторический прорыв. Они положили начало подлинно мировой, глобальной истории человечества. Лишь те народы, которые восприняли результаты развития западной науки и техники и тем самым подвергли себя опасности для природы человека, заключающейся в этом знании и умении, могут активно участвовать в этом процессе.

Возникает вопрос, почему же наука и техника возникли на Западе, почему это не произошло в двух других великих культурах? Обладали ли Запад уже в осевое время неким своеобразием, следствия которого обнаружились в последующую эпоху? Заложено ли уже в осевое время то, что позднее явилось в науке? Присущи ли Западу какие-либо специфические черты?

То, что на Западе выступает как совершенно новое, вносящее в развитие радикальное изменение, должно было бы опираться на какой-либо всеохватывающий принцип. Полностью постичь этого нельзя. Но, быть может, существуют какие-либо признаки, позволяющие осознавать это своеобразие Запада.

1. Уже *географически* Запад обладает определенной спецификой. В отличие от замкнутых континентов Китая и Индии территория Запада характеризуется чрезвычайным разнообразием. Разнородное членение на полуострова, острова, пустыни и оазисы, области средиземноморского климата и мир высокогорья, сравнительно большая длина побережья соответствуют многообразию языков и народов, которые творили здесь историю по мере того, как они сменяли друг друга в своей деятельности. Страны и народы Запада имеют своеобразный облик.

Духовный характер Запада можно характеризовать еще рядом черт.

2. Западу известна *идея политической* свободы. В Греции - правда, только временно - существовала свобода, не возникавшая более нигде. Содружество свободных людей устояло под натиском универсальной деспотии, тотальной организации, облагодетельствовавшей народы. Тем самым полис заложил основу всего западного сознания свободы - как реальность свободы, так и ее идеи. Китай и Индия не знают подобной политической свободы.

Она озаряет всю нашу историю, с нею связаны все притязания Запада. Великий поворот произошел в тот период, когда, начиная с VI в., в Греции возникла свобода мышления, свобода людей,

85

свобода полиса, когда вслед за тем в персидских войнах свобода утвердилась и достигла своего высшего, хотя и недолговечного, расцвета. Не универсальная жреческая культура, не учение орфиков или пифагореизм*, а свободные государственные образования конституировали греческий дух и создали огромные возможности, но вместе с тем и опасность для человека. С тех пор в мире возникла возможность свободы.

3. Ни перед чем не останавливающаяся *рациональность* открыта силе последовательной логической мысли и эмпирической данности, которые должны быть всегда и

всем доступны. Уже греческая рациональность отличается от восточного мышления известной последовательностью, позволившей заложить основы математики и завершить формальную логику. Коренным образом рациональность Нового времени стала отличаться от восточного мышления с конца средних веков. Научное исследование проходит здесь бесконечный путь, будучи критически направлено на конечные выводы в сфере особенного, при постоянной незавершенности в целом. В сфере общественных связей делается попытка, в предвидении юридических решений правового государства, достигнуть возможных пределов исчисляемости жизненной деятельности людей. В хозяйственных предприятиях точная калькуляция определяет каждый шаг.

Тем самым Запад познает границу рациональности с такой ясностью и силой, которая нигде более не существует.

4. *Осознанная внутренняя глубина бытия личности* обретает у древнееврейских пророков, греческих философов, римских государственных деятелей непреложность, служащую мерилom во все времена.

Это, правда, привело к тому, что, начиная с софистов, стало возможным отделение от природы и человеческого сообщества, уход в пустоту. Западный человек осознал в своей высшей свободе, что граница свободы проходит в небытии. В самости своего бытия он научился видеть дар именно в том, что, ложно фиксируя в качестве некоего абсолютного «Я», считал возможным полностью основывать на себе самом, будто человек есть начало и творец.

5. Для западного человека *мир в своей реальности необходимым образом существует*.

Западный мир, подобно другим культурам, знает, правда, расщепление человеческой сущности: с одной стороны, жизнь в ее дикости, с другой - далекая от мира мистика; с одной стороны, нелюди, с другой - святые. Однако Запад делает попытку избежать подобного расщепления, найти выход в самой структуре мира, не только созерцать истину в идеальном царстве, но и осуществить ее, с помощью идей поднять действительность до необходимого уровня.

Запад знает с неопровержимой достоверностью, что он должен формировать мир. Он ощущает смысл реальности мира, смысл, в котором заключена беспредельная задача - осуществить познание, созерцание, воплощение этой действительности мира в нем

86

самом, из него самого. Мир нельзя сбросить со счетов. В нем, а не вне его утверждает себя западный человек.

Тем самым стало возможным познание действительности мира, постигающее крушение в том глубоком смысле, который еще не есть окончательное истолкование. Трагическое становится действительностью и сознанием одновременно. Только Западу известна трагедия.

6. Запад, подобно всем другим культурам создает образ всеобщего. Однако это *всеобщее не застывает здесь в догматической жесткости* непреложных институтов и представлений и не ведет к жизни, где господствует кастовая система или космический порядок. Западный мир не становится стабильным, в каком бы то ни было смысле.

Движущие силы беспредельной динамики Запада вырастают из «исключений», прорывающих здесь всеобщее. Запад отводит определенное место исключению. Он допускает в ряде случаев совершенно новую жизнь и деятельность - и затем иногда столь же решительно уничтожает их. Человеческой природе удается здесь иногда достигнуть вершин, которые отнюдь не получают всеобщего признания, к которым, быть может, едва ли кто-нибудь стремится. Однако эти вершины, подобно светящимся маякам, дают Западу многомерную ориентацию. В этом коренятся постоянное беспокойство Запада, его постоянная неудовлетворенность, его неспособность довольствоваться завершенным.

Так, в случайных на первый взгляд ситуациях, в результате предельного напряжения сил возникли возможности, кажущиеся невозможными. Такова, например, пророческая религия иудеев, бессильных в состоянии политического упадка перед борющимися империями, отданных во власть силам, всякое сопротивление которым было заранее обречено. Таков расцвет где-то на краю мира политических сил нордической культуры и эпоса исландцев, противящихся какой бы то ни было государственной регламентации.

7. Несмотря на свою свободу и лояльность, Запад дошел до предельного напряжения сил вследствие *претензии на исключительную истинность* вероисповеданий, основывающихся на Библии (в том числе и ислама). Такие тотальные притязания в качестве принципа, длительно определяющего характер исторического развития, возникали только здесь, на Западе.

В дальнейшем, однако, существенным было то обстоятельство, что энергия подобного притязания, усиливая внутреннее напряжение людей, вместе с тем удерживалась в определенных границах как в результате расщепления на множество идущих от Библии религиозных учений и вероисповеданий, так и вследствие разделения на церковь и государство. Притязания одной силы, наталкиваясь на такие же притязания других, приводили не только к фанатизму, но и к движению, в ходе которого безудержно возникали все новые вопросы.

Именно то обстоятельство, что на Западе не возникло господ-

87

ство одной силы, а государство и церковь находились в постоянном соперничестве, выдвигали тотальные притязания, которые смягчались лишь вследствие неизбежности компромисса, быть может, и дало Западу благодаря постоянному духовному и политическому напряжению его духовную энергию, его свободу, его склонность к неустанным поискам, способность к открытиям, глубину его опыта, столь отличную от состояния единения и сравнительного отсутствия напряжения во всех восточных империях, от Византии до Китая.

8. В мире, не замкнутом во всеобщем, но всегда направленном на всеобщее, в мире, где исключения прорываются на поверхность и получают признание в качестве истин, а притязания на исключительность исторической религиозной истины вбирают в себя то и другое, напряжение неминуемо должно достигнуть крайних пределов.

Отсюда свойственная Западу *решительность*, в силу которой проблемы доводятся до своего логического конца, до полной ясности, до выявления всех возможных альтернатив, в силу которой осознаются принципы и устанавливаются позиции глубочайшей внутренней борьбы.

Решительность являет себя в напряженности ряда конкретных исторических моментов, в которую насильственно втягивается почти все, что происходит на Западе, - например, в напряженность, существующую между христианством и культурой, между государством и церковью, между империей и отдельными народами, между романскими и германскими народами, между католицизмом и протестантизмом, теологией и философией. Абсолютной прочности нет нигде. Любая претензия такого рода сразу же ставится под вопрос.

9. Мир напряженностей является, быть может, одновременно предпосылкой и следствием того факта, что только на Западе в таком количестве известны *самобытные индивидуальности* в таком разнообразии характеров - от еврейских пророков и греческих философов до великих христианских мыслителей, до деятелей XVI-XVIII вв.

Наконец, и это прежде всего, специфическим явлением в жизни Запада являются индивидуальная любовь и сила безграничного самопогружения в нескончаемом движении. Здесь образовалась та степень открытости, бесконечной рефлексии и проникновенной углубленности, для которой только и мог озариться светом весь смысл коммуникации между людьми и горизонт подлинного разума.

Запад осознал свою собственную действительность. Он создал не один господствующий тип человека, а многие противоположные друг другу типы. Нет человека, в котором было бы заключено все, каждый находится внутри этой действительности, он необходимым образом не только связан, но и отделен. И никто не может, поэтому желать целого.

88

Восток и Запад. Восточный и Западный мир. Проводя параллель между тремя линиями исторического развития - в Китае, Индии и на Западе,- мы полностью отказались от того превосходства, на которое обычно претендует европеец. В предыдущем разделе мы дали нашу интерпретацию характерных черт европейского самосознания, освободиться от которых не способен ни один европеец.

Тот факт, что только европейский тип развития привел к веку техники, придающей в настоящее время всему миру европейские черты, и что к тому же рациональное мышление получило теперь всеобщее распространение, как будто подтверждает наличие этого превосходства. Правда, китайцы и индийцы не менее, чем европейцы, ощущали себя подлинными людьми и утверждали свои преимущественные права как нечто само собой разумеющееся. Однако претензии различных культур быть центром мироздания имеют иное значение.

Западный мир с самого начала - со времен греков - конституировался в рамках внутренней полярности Запада и Востока. Со времен Геродота противоречие между Западным и Восточным миром осознается как исконная и вечная противоположность, являющая себя во все новых образах. Тем самым эта противоположность только и стала реальной, ибо духовную реальность обретает лишь то, что знает о себе. Греки заложили основу Западного мира, и сделали это так, что мир этот существует лишь постольку, поскольку он постоянно направляет свой взор на Восток, находится в размежевании с ним, понимая его и отстраняясь от него, перенимая у него определенные черты и перерабатывая их, борясь с ним, и в этой борьбе власть попеременно переходит от одной стороны к другой.

Речь идет совсем не о простой противоположности между греками и варварами. Эта противоположность, по существу, аналогично ощущается китайцами, египтянами, индийцами по отношению к другим народам. В разделении Запада и Востока Восток остается равнозначной, вызывающей восхищение силой, как политической, так и духовной мощью, средоточием знания и соблазна.

Эту противоположность можно воспринимать как одну из форм расщепления духовного мира вообще. Дух живет, начинает двигаться, становится плодотворным и достигает расцвета только тогда, когда он осознает себя в противоречиях, находит себя в борьбе. Однако имеющаяся здесь противоположность носит исторический характер, ее содержание нельзя свести к общей форме, исчерпать конечными определениями. Она подобна глубокой исторической тайне, проходящей через века. В различных модификациях изначальная полярность сохранила свою жизненность на протяжении веков.

Греки и персы, деление Римской империи на Западную и Восточную, западное и восточное христианство, Западный мир и ислам, Европа и Азия (она, в свою очередь, делится на Ближний, Средний и Дальний Восток) - таковы последовательно сменяю-

89

щие друг друга образы этого противоречия, в рамках которого культуры и народы сближаются друг с другом и отталкиваются друг от друга. Именно в этих рамках всегда конституировалась Европа, тогда как Восток сначала заимствовал эту противоположность у Европы и, в свою очередь, воспринял ее на европейский лад.

Объективный исторический анализ выявляет, правда, превосходство Запада в воздействии на формирование мира, однако вместе с тем показывает и его незавершенность и недостаточность, в силу которых вопросы, обращенные к Востоку, всегда остаются современными и плодотворными. Они гласят: что можно там найти, чтобы дополнить недостающее нам? Что стало там действительным, что истиной, упрощенной нами? Какова цена нашего превосходства?

Нет сомнения в том, что Запад обладает наиболее длительной и достоверной исторической традицией, уходящей в глубь времен. Нигде в мире нет истории более древней, чем история Двуречья и Египта. В течение последних веков Запад наложил отпечаток на все страны земного шара. Запад обладает самым богатым и отчетливым членением своей истории и своих творений, здесь шла самая возвышенная борьба в духовной сфере, выступают в наибольшем числе перед нашим взором великие люди.

С этих позиций мы постоянно задаем себе вопрос, находим ли мы на Востоке подступы к тому, что было создано на Западе в области науки, рациональных методов, индивидуального самосознания, государственности, экономики капиталистического хозяйствования и т. д. Пытаясь ответить на это, мы ищем на Востоке идентичное Западу и спрашиваем: почему же эти подступы не нашли там своего развития?

У нас создается впечатление, что в Азии мы, по существу, не находим ничего нового. Все это нам уже известно, отличие состоит только в акцентах. Самоуверенность европейцев приводит к тому, что все чуждое воспринимается ими как курьез - будто там размышляли над теми же проблемами, которые у нас получили свое, более отчетливое осмысление, или иногда - к смиренному признанию того, что мы постигаем на Востоке только близкое нам, а не изначально ему присущее.

Между тем свое подлинное значение Азия получит для нас лишь тогда, когда мы спросим себя, что же при всем своем превосходстве утеряла Европа. В Азии есть то, чего нам недостает и что имеет для нас серьезное значение! Оттуда раздаются обращенные к нам вопросы, которые погребены и в глубине нашей души. За все то, что мы создали, что мы сумели, чем мы стали, мы заплатили определенную цену. Мы совсем не находимся на пути совершенствования человеческой природы. Азия служит нам необходимым дополнением. Если мы вообще способны постигать только то, в чем

90

мы узнаем самих себя, то, может быть, мы окажемся способны познать и то, столь глубоко скрытое в нас, подспудное, что осознать совершенно невозможно, если оно не будет отражено в зеркале, где представится нам сначала чем-то чуждым. Тогда мы достигнем понимания, по мере того как сами обречем в нем большую широту, так как тогда расцветет то, что дремлет в нашей душе. История китайской и индийской философии не будет для нас предметом, где без всякой необходимости повторяется то, что есть у нас, или действительностью, позволяющей нам изучать интересные социологические закономерности; в этой философии мы обнаружим тогда нечто такое, что непосредственно касается нас самих, что открывает перед нами возможности человека, которые мы не осуществили, и заставляет нас соприкоснуться с подлинными истоками иной человеческой сущности, которой мы не являемся - и все-таки потенциально являемся. И в этом следует видеть необходимые черты самой исторической экзистенции.

Безусловная уверенность в том, что мировая история ограничена замкнутой сферой западноевропейской культуры, сломлена. Мы уже не можем игнорировать огромный мир Азии как область неисторических народов и вечного бездействия. Мировая история универсальна. И если сузить ее рамки, образ человека будет неполным и искаженным. Однако, воспринимая Азию во всей ее грандиозности и силе воздействия, мы легко можем впасть в заблуждение, преувеличивая ее неопределенность.

Тогда Азия выступает по сравнению с крошечной Европой во всем величии своего огромного пространства. Хронологически она представляется всеохватывающей осно-

вой, откуда вышли все люди. Она неизмерима, мощна по своему объему и человеческим массам - нечто длящееся, медленно движущееся.

В этом аспекте греческая культура представляется явлением, возникшим где-то на периферии Азии, Европа - древним осколком, отделившимся от материнского лона Азии. Вопрос состоит в том, где и когда, в результате каких событий это произошло. Можно ли предположить, что Европа вновь вернется к Азии, потеряв свои специфические черты? Потонет в ее глубинах и ее бессознательном нивелировании?

Если Западный мир вышел из глубин Азии, то он может быть воспринят как безмерно отважный порыв человека к свободе, который сначала сопровождается опасностью потерять душевное равновесие, а затем, будучи осознанным, - постоянной опасностью вновь погрузиться в глубины Азии.

Эта опасность может осуществиться теперь в новых технических условиях, преобразующих и разрушающих в том числе и Азию таким образом, что исчезнет западная свобода, значимость личности, широта западных категорий, ясность сознания. Вместо всего этого утвердится вечное азиатское начало: деспотическая форма существования, отказ от истории, от принятия решений, стабилизация духа в азиатском фатализме. Азия станет чем-то универсальным, вечно существующим и длящимся, вклю-

91

чающим в себя Европу. То, что вышло из Азии и должно возвратиться в ее глубины, есть нечто преходящее.

Однако контрастные картины, преисполненные визионерских представлений о гибели, могут возникнуть лишь на мгновение. В действительности они неверны и несправедливы.

Трехтысячелетняя история Китая и Индии также свидетельствует о многочисленных попытках выйти из зыбких глубин Азии. Речь здесь идет о явлениях универсального исторического процесса, а совсем не о своеобразии отношений Европы к Азии. Все это происходит и в самой Азии. Это - путь человечества к подлинной истории.

Азию рассматривают как воплощение некоего мифического принципа, который в ходе реалистического анализа распадается, переставая быть исторической реальностью. Противопоставление Европы и Азии не следует метафизически гипостазировать. В противном случае оно может стать страшным призраком. В качестве мифологического образа оно в момент решения может служить шифром, полезным лишь в том случае, если является знаком чего-то исторически конкретного и духовно ясного и немислителен как познание целого. И таким шифром, проходящим сквозь всю историю Запада, является противопоставление: Азия - Европа.

253

III. ЕДИНСТВО ИСТОРИИ

Историчность человека - это историчность многообразная. Однако это многообразие подчинено требованию некоего единого. Это - не исключительность притязания какой-либо одной историчности на то, чтобы быть единственной и господствовать над другими; это требование должно быть осознано в коммуникации различных типов историчности в качестве абсолютной историчности единого. Все то, что обладает ценностью и смыслом, как будто соотносится с единством человеческой истории. Как же следует представлять себе это единство?

Опыт как будто опровергает его наличие. Исторические явления необъятны в своей разбросанности. Существует множество народов, множество культур и в каждой из них, в свою очередь, бесконечное количество своеобразных исторических фактов. Человек расселился по всему земному шару, и повсюду, где представлялась какая-либо

возможность, он создавал свой особый уклад жизни. Перед нашим взором возникает бесконечное разнообразие, явления которого возникают параллельно или последовательно сменяют друг друга.

Рассматривая человечество таким образом, - мы описываем его и классифицируем, подобно явлениям растительного мира. Бесконечное разнообразие случайно создает род «человек», который обнаруживает определенные типические свойства и способен, как все живое, отклоняться от «стандарта» в пределах допустимых возможностей. Однако такое сближение человека с миром природы ведет к исчезновению собственно человеческой сущности.

Ибо при всем многообразии явления «человек» существенным является то, что люди значимы друг для друга. Повсюду, где они встречаются, они интересуются друг другом, испытывают друг к другу антипатию или симпатию, учатся друг у друга, обмениваются опытом. Встреча людей является чем-то вроде узнавания себя в другом и попытки опереться на самого себя в своем противостоянии другому, который признан как этот самый другой. В этой встрече человек узнает, что у него, каким бы он ни был в своей особенности, общее со всеми другими людьми в том единственном, чего у него, правда, нет и чего он не знает, что им, однако, незаметно руководит и на мгновения переполняет его и всех других энтузиазмом.

В таком аспекте явление «человек» во всей его исторической разновидности есть движение к единому; быть может, это - следствие общего происхождения, во всяком случае, это не является таким существованием, которое выражает всю глубину своей сущности в разбросанности некоего множества.

1. Факты, указывающие на единство

Единство человеческой природы. Существует следующее тривиальное представление о бытии человека в истории: человек есть некая целостность способностей. В определенных условиях всегда частично реализуются его силы, способности, импульсы, остальные - нереализованные его дарования - не пробуждены, они дремлют. Однако, поскольку человек потенциально всегда тот же, все остается всегда возможным. Различное раскрытие отдельных сторон его природы означает не различие в сущности, а различие в явлении. Лишь в синтезе всех явлений в качестве общих, различных только по степени развития возможностей открывается целостность человеческой природы.

На вопрос, изменилась ли природа человека в течение нескольких тысячелетий истории, или человек остался в своей сущности

254

неизменен, дается ответ, что нет фактов, которые свидетельствовали бы о преобразовании человека. Все изменения можно скорее понять как процесс отбора в рамках уже существующего. Прочно и неизменно данное может якобы в результате различных видов отбора каждый раз проявляться совершенно иным образом. Каждый раз привлекают внимание, достигают успеха и составляют большинство те люди, которые по своим качествам соответствуют определенным условиям данного общества и сложившимся в нем ситуациям. Условия характеризуются якобы тем, продолжению развития какого типа они способствуют. С изменением условий меняется и характер отбора и выступают те типы людей, которые раньше оттеснялись и в результате отрицательного влияния происходившего отбора сокращались в числе. Оказывается, что в различных условиях, в результате меняющегося характера отбора одна и та же сущность открывает те или иные присущие ей аспекты.

Однако на это можно возразить, что целостность человеческой сущности отнюдь не может быть представлена как некая тотальность человеческих способностей. Нет такого человека, в котором сочетается или может сочетаться все человеческое, его нет ни в действительности, ни в представлении.

Можно также возразить, что сущностное различие данных природой индивидуальных свойств очевидно. Уже в особенностях характера, проявляющихся в раннем детстве, выступает предначертанность склонностей человека, которые заставляют его идти тем или иным путем. Именно они коренным образом отличают его от других.

Все эти представления и замечания в какой-то степени правильны, однако они недостаточно объясняют природу человека. Для понимания единства человеческой природы, которая открывается в истории, необходимо выйти за пределы биологического и психологического уровня.

В чем заключается единство не меняющейся сущности человека, которое только и создает возможность того, что мы понимаем друг друга и связаны друг с другом? Это единство все время вызывает сомнение. Ибо в истории перед нами постоянно предстает изменение в человеческом знании, сознании и самосознании. Возникают и исчезают духовные возможности, растет отчуждение, которое завершается полным непониманием друг друга. Сохраняется ли, несмотря на это, единство? В виде беспредельной воли к пониманию оно, безусловно, сохраняется.

Если это единство не может быть понято на основе биологических свойств, поскольку смысл его вообще находится вне биологической сферы, то причина его должна быть иной. Говоря об истоках этого единства, мы имеем в виду не биологическую природу или происхождение из общего корня, но человеческую сущность как единство высшего порядка. Только в виде символа можно себе его представить: в идее сотворения Богом человека по образу и подобию своему и в идее грехопадения.

255

Эти истоки, которые объединяют нас, людей, толкают нас друг к другу, заставляют нас предполагать и искать единство, не могут быть, как таковые, ни познаны, ни созерцаемы, ни восприняты нами как эмпирическая реальность.

Возражение против единства, основанное на том, что существуют врожденные, исключительные, отталкивающие друг друга, радикальные по своей видимости различия в характере отдельных людей и народов, неверно, если цель этого возражения в том, чтобы указать на коренное различие в природе людей, разделяющее их подобно непроходимой бездне. Наряду с бездной, обнаруживаемой между явлениями, и с постоянной борьбой между различными сущностями или даже полным безразличием друг к другу нельзя не видеть и признаков возможного объединения, дремлющих в глубине. Всеобъемлющее остается действительностью, стоящей над всей достигнутой определенности в своем становлении реальностью. Нельзя предвидеть, что пробудится в новых условиях, в новых ситуациях. Никому не дано вынести окончательный приговор человеку, вычислить, что является для него возможным и что невозможным. Еще в меньшей степени допустимо это окончательное решение применительно к народам или эпохам. Определение того, что характерно для народов и эпох в их целостности, никогда не бывает окончательным. Ведь всегда остается и другая возможность. То, что удастся совершить отдельному человеку или узкому кругу людей, совсем не обязательно должно быть воспринято всем народом и стать характерной чертой его культуры, и все-таки оно принадлежит ему. Астрономия Аристарха (коперниканский мир) не была воспринята в Греции, как не была воспринята в Египте мудрость Аменхотепа и его вера в единого Бога *. Как часто подлинное величие остается в стороне, непонятым, изолированным и лишь благодаря случайным обстоятельствам достигает такого чисто внешнего признания, которое либо вообще не оказывает никакого воздействия, либо оказывает это воздействие в результате непонимания и искажения. Есть все основания сомневаться в действительности влияния Платона в Греции или Канта в Германии, если оставить в стороне узкую сферу духовной жизни, поразительную, правда, в своем духовном величии.

Следовательно, единство, к которому стремится в своей жизни человек, когда он действительно становится историческим, может быть основано не на единстве биологического происхождения, но только на том высоком представлении согласно которому человек создан непосредственно божественной дланью? Такое единство происхождения не есть устойчиво существующее бытие. Оно - сама историчность. Это проявляется в следующем.

1. Единство человека в динамике его преобразований не есть покоящееся единство устойчивых и лишь попеременно реализуе-

256

мых свойств. Свое становление в истории человек осуществил посредством движения, которое не есть движение его природных свойств. В качестве природного существа он есть данная сущность в границах ее вариантов; в качестве исторического существа он силою своих изначальных возможностей выходит за пределы природной данности. Исходя из этого, он должен стремиться к объединяющему всех единству. Это - постулат: без такого единства было бы невозможно взаимопонимание; между тем, что различно по своей сущности, пролегла бы пропасть, и была бы невозможна история, основанная на понимании.

2. В явлении единичных людей в определенной действительности заключено нечто исключаящее остальное. Человек в качестве единичного не способен соединить то, что он мог бы осуществить из различных по своей сущности источников, будь он даже святой или герой.

Человек, и единичный человек, изначально по своим возможностям есть все, в действительности же он - нечто единичное. Однако в этой единичности он не есть ограниченная часть; он историчен, обладает собственными истоками в рамках единой, объединяющей всех исторической основы.

Единичный человек никогда не бывает совершенным, идеальным человеком. Совершенным человек в принципе быть не может, ибо все, что он есть, и что он осуществляет, может быть устранено и устраняется, оно открыто. Человек не есть существо законченное или способное быть завершенным.

3. В истории в единичных творениях, прорывах, осуществлениях выступает то, что неповторимо и незаменимо. Поскольку эти творческие акты не могут быть поняты в рамках причинной связи или выведены в качестве необходимых, они подобны откровениям, источник которых - не обычный ход событий, а нечто совершенно иное. Однако, когда они присутствуют, они служат основой человеческому бытию, которое за ними следует. В них человек обретает свое знание и волнение, свои идеалы и их противоположность, свои масштабы, свой образ мышления и свои символы, свой внутренний мир. Они - этапы на пути к единству, так как принадлежат единому самопостигающему духу и обращаются ко всем.

Универсальное. Единство человечества находит свое отчетливое выражение в том несомненном факте, что повсеместно на Земле обнаруживается близость религиозных представлений, форм мышления, орудий и форм общественной жизни. Сходство людей при всем их различии очень велико. Психологические и социологические данные таковы, что позволяют повсюду проводить сравнение и установить множество закономерностей, свидетельствующих о характере основных структур человеческой природы в ее психологическом и социологическом аспекте. Однако именно при выявлении общего отчетливо предстают отклонения, что может объясняться как специфической природой человека, так и историческими ситуациями и событиями.

257

Если обратить взор на универсальное, то обнаружится совпадение в существенном, особенности же обретут локальный характер, связанный с определенным местом и определенной целью.

Однако это универсальное не составляет действительного единства человечества. Напротив. Если же обратить взор на глубину открывающейся истины, тогда то, что составляет величие истории, обнаружится именно в особенном, а универсальное предстанет как всеобщее, остающееся внеисторическим и неизменным, как поток, который несет в своих водах действительное и правильное.

Если общность отдаленнейших культур основана на том, что в них находят свое выражение основные свойства человеческой природы, то поразительно и чрезвычайно важно, что там, где мы предполагаем найти только универсальное, всегда обнаруживаются и отклонения, что где-то всегда не хватает чего-то, обычно свойственного людям, что универсальное, как таковое, всегда абстрактно, однообразно по своему характеру.

То, что в масштабе универсального составляет просто случайную особенность, может как раз и быть воплощением подлинной историчности. Основой человечества может быть только соотношение в истории того, что в своей сущности составляет не отклонение, а позитивное изначальное содержание, не случайность в рамках всеобщего, а звено единой всеохватывающей историчности человечества.

Прогресс. В знании и техническом умении путь ведет вперед, шаг за шагом, и приобретенное может быть в том же виде передано дальше, становится всеобщим достоянием) Тем самым через историю отдельных культур и всех народов прочерчена единая линия растущего приобретения, ограниченного, правда, безличным общезначимым знанием и умением, присущим сознанию как таковому.

В этой области мировая история может быть понята как развитие по восходящей линии, хотя и содержащее отступления и остановки, но в целом связанное с постоянным ростом достижений, в которые вносят свою лепту все люди, все народы, которые по самой своей сущности доступны всем людям и действительно становятся достоянием всех. В истории мы обнаруживаем ступени этого продвижения, которое в настоящее время достигло своей высшей точки. Однако это лишь одна линия целого. Сама человеческая природа, этос человека, доброта и мудрость не подвержены такому развитию. Искусство и литература понятны всем, но отнюдь не всем присущи, они возникают у определенных народов в определенные исторические периоды и достигают неповторимой, непревзойденной высоты.

Поэтому прогресс может быть в знании, в технике, в создании предпосылок новых человеческих возможностей, но не в субстанции человека, не в его природе, возможность прогресса в сфере субстанциального опровергается фактами. Высокоразвитые наро-

258

ды погибали под натиском народов, значительно уступавших им в развитии, культура разрушалась варварами. Физическое уничтожение людей выдающихся, задыхающихся под давлением реальностей массы, - явление, наиболее часто встречающееся в истории. Быстрый рост усредненности, неразмывляющего населения, даже без борьбы, самым фактом своей массовости, торжествует, подавляя духовное величие. Беспрерывно идет отбор неполноценных, прежде всего в таких условиях, когда хитрость и брутальность служат залогом значительных преимуществ. Невольно хочется сказать: все великое гибнет, все незначительное продолжает жить.

Однако в противовес таким обобщениям можно указать на то, что великое возвращается, что великому вторит эхо, даже если оно молчало целые века и более. Но как преисполнено сомнения, как недостоверно это ожидание!

Говорят, что это лишь временное отступление, что катастрофа случайна. В конечном счете, ведь субстанциальный прогресс - то, что является наиболее достоверным. Однако ведь именно эти случайности, эти разрушения и составляют, во всяком случае, на первом плане, преобладающее в исторических событиях.

Нам говорят: ведь не обязательно все должно остаться таким, каким оно было до сих пор. В нашей власти направить развитие в должном направлении, содействовать про-

грессу в борьбе со слепой случайностью. Но это не более чем утопическая вера в то, что все может быть сделано, что мы можем оказывать влияние там, где вопрос стоит о самой природе человека, там, где предмет никогда не бывает известен, где он необозрим и недоступен нашему восприятию.

Нам говорят: катастрофа - это следствие вины. Достаточно раскаяться и доказать это чистотой своей жизни, и все станет другим. В самом деле, к этому нас призывают со времен пророков, однако мы не знаем, какими путями, когда и как нравственная чистота нашей жизни приведет к преисполненному блага мировому порядку. Не следует отрицать реальность того, что нравственное и доброе, как таковое, не достигает успеха, да и не ради успеха оно совершается. Однако нравственное и доброе, которое берет на себя ответственность за успех и последствия, остается нашим единственным серьезным шансом.

Прогресс действительно приводит к единству в области знания, но не к единству человечества. Единство общезначимой и повсюду, где она открывается, одинаковой истины в ее бесконечном прогрессе так, как она предстает только в науке и технике, и сама эта повсюду распространяемая и общедоступная, апеллирующая только к рассудку истина не составляют единство человечества. Такой прогресс ведет к единству в области рассудка. Он объединяет людей в сфере рассудочного мышления таким образом, что они могут вести рациональную дискуссию, но могут и уничтожить друг друга одинаковым оружием, созданным их техникой. Ибо рассудок объединяет только сознание как таковое, а не людей. Он не создает ни подлинной коммуникации, ни солидарности.

259

Единство в пространстве и во времени. Единство людей возникает на основе общей природной основы (единства планеты) и общности во времени.

В ходе истории растет - правда, неравномерно - общение. Многообразие того, что дано природой, множественность народов и стран долгое время существовали параллельно, не зная друг о друге. Общение связывает людей, способствует тому, что племена объединяются в народы, народы в группы народов, страны в континенты, а затем вновь распадаются: люди, принадлежащие к различным народам, встречаются и вновь забывают друг о друге. Все это будет продолжаться до тех пор, пока не наступит время сознательной фактической взаимосвязи всех со всеми и общение - в реальном его свершении или прерывающееся в ходе борьбы - не станет непрерывным. Тогда начнется история человечества, которую можно определить как взаимный обмен в единстве общения.

Люди, путешествуя в течение многих тысячелетий, давно уже освоили земную поверхность, за исключением полярных регионов, пустынь и горных хребтов. Человечество всегда было в движении. Поразительные путешествия совершались на заре истории. Норманны открыли Гренландию и Америку, полинезийцы пересекли Тихий океан, малайцы достигли Мадагаскара. Языки африканских негров и языки американских индейцев настолько родственны, что позволяют сделать вывод о постоянном общении племен внутри этих континентов. Изобретения, орудия, представления, сказки совершали в доисторические времена свои далекие странствования, их передавали непосредственно из рук в руки. Изолированными были долгое время только Австралия и, может быть, Америка, но и они не полностью. (Параллели, обнаруживаемые в Восточной Азии и Мексике, поразительны.) Изолированность не означает, что там никогда не появлялись жители иных стран, она означает только то, что чужая культура не оказывала ощутимого воздействия.

В ходе истории складывались великие империи, которые на время усиливали в своих границах общение между людьми. Затем эти империи вновь распадались, общение прекращалось, связи порывались, о существовании друг друга забывали. Были народы, которые на время совершенно изолировались от внешнего мира, такие, как Египет, Япония, Китай; однако все эти воздвигнутые стены были в конечном счете разрушены.

За последние пять столетий европейцы втянули весь мир в свою орбиту. Они повсюду распространяли свою цивилизацию и брали у других цивилизаций то ценное, чем они сами не располагали. Они дали другим народам домашних животных, полезные растения, оружие, продукты и машины, принесли свои нравы и все неблагополучие своей жизни, а заимствовали у них картофель, кукурузу, хинин, какао, табак, гамак и т. д. Европейцы первыми сде-

260

дали единство мира осознанным, общение планомерным, длительным и надежным.

Такого рода общение означает, что люди все время сближаются, что в процессе единения планеты создается единство в сознании, а потом и в деятельности людей.

В древней истории нет единства культурного развития, центр которого находился бы в каком-либо одном месте земного шара. Повсюду, куда проникает наш взор, мы видим разбросанность людей, многочисленные попытки к единению и склонность к нему, возникающую вследствие соприкосновения людей и культур; мы видим развитие, совершающееся в результате наслоения различных культур в ходе завоеваний, нивелирующее, поразительное по своим следствиям смешение народов. События всегда историчны вследствие общения, которое там присутствует, в них ощущается стремление к единству, а не возникновение из изначально данного единства.

Однако единство, проистекающее из единства земного шара, совместной замкнутости в пространстве и во времени, есть лишь внешнее единство, отнюдь не тождественное единству истории. Первое свойственно всему реально существующему, не только человеку. Одно совместное пребывание людей на замкнутой заселенной ими земной поверхности еще не составляет их единства. Это единство возможно только в общении. Однако оно ни в коей мере не тождественно этому общению как таковому, но возникает благодаря тому, что происходит в этом общении.

На глобусе мы видим относительно узкую, к тому же постоянно обрывающуюся полосу (от Средиземноморья до Китая), на которой возникло все то духовное, которое значимо в наши дни. Географически оправданного притязания на историческое равенство быть не может.

Особые виды единения. В движении вещей человеческого мира нашему познанию даны многие линии, проходящие раздельно и впоследствии соединяющиеся, а также такие, которые, правда, повторяются по своему типу, но составляют лишь отдельные черты целого, а не само целое.

Так, в каждый данный период существует известная ограниченная последовательность явлений культуры. Некоторые поколения с момента возникновения до своего исчезновения связаны друг с другом по своей типической последовательности стилей или эволюции и идей.

Существует единство культур как единство фактически общего мира жизненных форм, институтов, представлений, верований - единство народов по происхождению, языку, судьбе; единство религий в качестве «мировых религии, далеко распространяющих определенные, соотносящиеся с трансцендентностью жизненные позиции в сфере этоса, веры, представлений; единство государства в качестве носителей единой власти, формирующей все остальные стороны существования.

В этих видах единства нет универсальности. Это разрознен-

261

ные, параллельно существующие виды единства, культуры наряду с другими культурами. Существует множество народов, религий и государств. Все они контактируют друг с другом: культуры посредством мирного обмена, государства - в борьбе и сосуществовании в области политики, религии - своей миссии и в размежевании сфер своего влияния. Все они меняются, не составляют ничего законченного, прочного, переходят друг в друга.

Мы узнаем из истории о великих, осуществившихся в своем могуществе единениях, о культурных сферах, формирующих людей при своем распространении как бы подспудно без применения силы, о доисторических народах в их бессознательном движении, о религиях в качестве «мировых религий», правда, всегда ограниченных определенными рамками, о государствах в качестве империй.

Все эти виды единства обычно взаимопересекаются и накладываются друг на друга. Совпадение всех единений такого рода достигло своего наивысшего выражения в Китае с момента образования единой империи. Культура, религия, государство полностью совпали друг с другом. Эта целостность являла собой мир людей, единую империю, вне которой в сознании жителей Китая не было ничего, кроме примитивных варваров на границах государства, которые рассматривались как потенциальная составная часть империи и мысленно уже включались в нее. Если сравнить «Срединную империю» с Римской империей, то окажется, что между ними существует значительное различие. Римская империя была относительно преходящим явлением, хотя впоследствии идея этой империи в течение тысячелетия оказывала неослабевающее влияние на умы. Вне ее были германцы и парфяне - фактически не побежденные ею противники. Несмотря на присущее Римской империи космически-религиозное единство, она не сумела вдохнуть в подвластные ей народы то единство, которое существовало в Китае; более того, время возникновения империи было временем утверждения христианства, которое и сломило ее устои.

2. Единство как смысл и цель истории

Если многообразных фактов, свидетельствующих о наличии единства или указывающих на него, недостаточно для того, чтобы конституировать единство истории, то, быть может, следует найти иной исходный пункт. Единство - не фактическая данность, а цель. Быть может, единство истории возникает из того, что люди способны понять друг друга в идее единого, в единой истине, в мире духа, в котором все осмысленно соотносится друг с другом, все сопричастно друг другу, каким бы чуждым оно ни было. Единство вырастает из смысла, к которому движется история, смысла, который придает значение тому, что без него была бы в своей разбросанности ничтожным: Цель может выступать как скрытый смысл, который никто не

262

имел в виду; но наблюдатель пытается истолковать его и проверить или видит в нем свою осознанную задачу, проявление воли к единству.

1) Целью считают *цивилизацию и гуманизацию* человека. Однако в чем сущность этой цели вне упорядоченного существования, ясно не определена цель сама исторична, качестве упорядоченного существования целью является правовое устройство мира. Путь истории ведет от разбросанности к фактическим связям в мирное и военное время, а затем к совместной жизни в подлинном единстве, основанном на праве. Такое единство открыло бы в рамках упорядоченного существования простор всем творческим возможностям человеческой души и человеческого духа.

2. Целью считают *свободу* и сознание свободы, все, что до сих пор происходило, следует понимать как попытки осуществить свободу.

Но что есть свобода - это еще само должно открыть себя на своем уходящем в бесконечность пути.

Воля к созданию основанного на праве мирового порядка не ставит своей непосредственной целью свободу как таковую, но только политическую свободу, которая открывает в существовании человека простор всем возможностям подлинной свободы.

3. Целью считают *величие* человека, творчество духа, привнесение культуры в общественную жизнь, творения гения)

В основе всегда лежит стремление к наибольшей ясности сознания. Единство смысла возникает там, где человек в пограничных ситуациях наиболее полно осознает само-

го себя, где он ставит наиболее глубокие вопросы, находит творческие ответы, способные направить и определить его жизнь. Это единство, основанное на величии человека, достигается не распространением орудий и знаний, не в ходе завоевания и создания империй, не посредством таких предельных форм в устремлениях человеческого духа, как губительная аскеза или воспитание янычар*, вообще не в долговременности и стабильности институтов и фиксированных норм, а в светлые минуты самопостижения, сущностного откровения.

Это сущностное может быть точкой, исчезающей в потоке исторических событий. Но может стать и неким ферментом, воздействующим на все происходящее. Может оно и остаться бездейственным воспоминанием, готовым оказать воздействие, вопросом, обращенным к будущему. А быть может, в мире и не прозвучит эхо, способное достигнуть его на недостижимой высоте, и оно исчезнет, не оставив воспоминания, существуя только под знаком трансцендентности.

То, что подобные вершины представляются нам неизмеримо значимыми, связано с их причастностью к тому единству, которое мы постоянно видим перед собой, но никогда полностью не постигаем, к единству, к которому движется история, из которого она возникла и для которого она вообще существует.

4. Целью считают и *открытие бытия в человеке*, постижение бытия в его глубинах другими словами, открытие божества.

263

* * *

Подобные цели могут быть достигнуты в каждую эпоху, и действительно - в определенных границах - достигаются; постоянно теряясь и будучи потерянными, они обретаются вновь. Каждое поколение осуществляет их на свой манер.

Однако тем самым еще не достигнута единственная, основная цель истории. Более того, нас все время призывают отказаться от воображаемой цели в будущем и следить за тем, чтобы не упустить, то, что нам дано в настоящем.

Абсолютное единство цели не достигается в толковании смысла. Любая формулировка, даже если она выражает наивысшее, направлена на цель, не являющуюся наивысшей, во всяком случае, не в том ее значении, что все остальные цели могут быть выведены из какой-либо определенно мыслимой цели, и тем самым единство цели открыло бы нашему взору весь смысл истории. Поэтому все предполагаемые цели действительно становятся историческими факторами, если к ним стремятся или в них верят, но они никогда не становятся чем-то таким, что выходит за рамки истории.

Смысл в качестве предполагаемого смысла всегда присущ сознанию человека в своих многообразных формах. Мы, люди, возвышаемся в нем к единому, о котором у нас нет конкретного знания.

Однако это стремление познать единый, всеохватывающий смысл, верить в него всегда сохраняется.

И если каждый абсолютизированный смысл неминуемо оказывается несостоятельным, то новые поколения в лице своих философов вновь обращаются к поискам всеобъемлющего смысла, который бы господствовал в истории и продолжал бы господствовать в ней, и теперь, когда он понят, мог бы быть воспринят нашей волей в качестве мыслимого руководящего нами смысла (это произошло в христианской философии истории, в учении Гегеля, Маркса, Канта и других).

Такое единство предлагают нам в тотальной интерпретации истории.

3. Единство в тотальной концепции истории

В попытке постигнуть единство истории, т. е. мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл.

Поэтому при изучении истории в философском аспекте всегда ставился вопрос о единстве, посредством которого человечество составляет одно целое. Люди заселили земной шар, но были разбросаны по его поверхности и ничего не знали друг о друге; они жили самой разнообразной жизнью, говорили на тысяче различных языков. Поэтому тот, кто раньше мыслил в рамках мировой истории,

264

создавал из-за узости своего горизонта это единство ценою его ограничения - у нас Западным миром, в Китае - Срединной империей. Все, что находилось вне этого, сюда не относилось, рассматривалось как существование варваров, первобытных народов, которые могут быть предметом этнографии, но не истории. Единство заключалось в следующем: предполагалось наличие тенденции, в соответствии с которой все, еще неизвестные, народы мира будут постепенно приобщаться к одной, т. е. собственной, культуре, введены в сферу собственного жизненного устройства.

Если вера всегда исходила из того, что в истории существует причина и цель, то мысль хотела обнаружить их в конкретной истории. Конструкции единой истории человечества были попытками объяснить знание о единстве либо божественным откровением, либо способностью разума.

Поступь бога в истории стала для людей Запада зримой в последовательности актов сотворения мира, изгнания из рая, изъявления божественной воли устами пророков, спасения, явления Бога людям на рубеже времен, предстоящего Страшного суда. Все то, что впервые утверждали иудейские пророки, что впоследствии было переработано в духе христианского учения Августином, повторялось и изменялось от Иоахима Флотского до Боссюэ, секуляризовалось Лессингом и Гердером*, а затем Гегелем; это всегда - представление о единой целостной истории, в которой все имеет свое место. Здесь выступает последовательность основных принципов человеческого существования, которые, будучи познаны во всей своей глубине, учат тому, что, собственно говоря, есть и что происходит. Однако эта конструкция - при всей величественности веры в нее и ее воплощений в течение двух тысячелетий - оказалась несостоятельной.

а) Если я знаю целое, то каждое человеческое существование занимает в этом целом определенное место. Оно существует не для себя, его предназначение - прокладывать путь. Оно соотносится с трансцендентностью не непосредственно, а посредством своего места во времени, которое заключает его в некие рамки, превращает его в часть целого. Каждое человеческое существование, каждая эпоха, каждый народ является звеном цепи. Против этого восстает изначальное отношение к божеству, бесконечность всеобъемлющего, которая всегда может быть целостной.

б) В знании о целостности отбрасывается наибольшая масса человеческой реальности, целые народы, эпохи и культуры отбрасываются как не имеющие значения для истории. Они - не более чем случайность или попутное явление природного процесса.

в) История не завершена и не открывает нам своих истоков. Для названной конструкции она, однако, завершена. Начало и конец найдены в виде предполагаемого откровения. Две основные исторические концепции противостоят друг другу в своей исключительности.

В одном случае история являет собой целое, единство доступного знанию развития, имеющего начало и конец. Я и мое время

265

находимся в определенной точке одного процесса, которая мыслится либо как низшая достигнутая нами глубина, либо как вершина пройденного до настоящего момента пути.

В другой концепции история не завершена как в действительности, так и для моего сознания. Я пребываю открытым для будущего. Это состояние ожидания и поисков ис-

тины, еще не-знания даже того, что уже есть, но что будет полностью доступно пониманию, только глядя из будущего. При таком понимании даже прошлое не завершено: оно продолжает жить, его решения не полностью, а лишь относительно окончательны, они могут быть пересмотрены. То, что было, может быть истолковано по-новому. То, что казалось решенным, вновь становится вопросом. То, что было, еще откроет, что оно есть. Оно не лежит перед нами как останки былого. В прошлом заключено больше, чем было извлечено из него до сих пор объективно и рационально. Мыслящий человек еще сам находится в развитии, которое и есть история, он незавершен и поэтому - обладая ограниченным полем зрения, стоя на холме, а не на высоте, откуда открывается широкий горизонт,- видит, в каком направлении могут идти возможные пути, но не знает, что является истоками и целью целого.

Поэтому историю можно рассматривать как сферу опыта, поэтому единство тонет в бесконечности возможного. Нам остается только вопрошать. Покой великого символа целого, образа всеединства, стирающего время, а с ним прошлое и будущее,- лишь опорная точка во времени, а не окончательно познанная истина.

Однако если мы не хотим, чтобы история распалась для нас на ряд случайностей, на бесцельное появление и исчезновение, на множество ложных путей, которые никуда не ведут, то от идеи единства в истории отказаться нельзя. Вопрос заключается в том, как постигнуть это единство.

* * *

Мы прошли через длинный ряд отрицаний. Единство истории не может быть постигнуто знанием. Оно не основано на едином биологическом происхождении человека. Единство земной поверхности и общность реального времени создают только внешнее единство. Единство всеобъемлющей цели не может быть открыто. Идея правового порядка в мире связана с основами человеческого существования, а не со смыслом истории в ее целостности и сама еще остается нерешенным вопросом. Единство не может быть понято в соотношении с тождественностью единой общезначимой истины, ибо это единство существует только для рассудка. Оно не есть движение к определенной цели или движение уходящего в бесконечность, все увеличивающего свою интенсивность процесса. Для постижения единства недостаточно самого ясного сознания или высокого духовного творчества. Оно не заключено и в смысле, который определяет все то, что происходит или должно было бы происходить. Единство не следует понимать и как внутренне расч-

266

лененный организм целостного человечества. Историю в целом мы не способны ощутить ни как действительность, ни как пророческое видение.

Однако и тот, кто не верит в эти дерзновенные попытки предполагаемого всеобъемлющего понимания истории как некоего единства, тем не менее различит следы истины во всех этих усилиях постигнуть единство. Ложными эти усилия становятся тогда, когда на целое переносятся свойства частичного. Истина являет себя только как намек и знак.

Каждая отдельно взятая линия развития, типический образ, все фактические данные о единствах различного рода - это упрощения в области истории, ложность которых становится очевидной, как только с их помощью пытаются увидеть историю в ее целостности. Задача состоит в том, чтобы постигнуть всю многогранность этих линий, образов, единств, оставаясь открытыми тому, что находится за пределами всего этого, в чем заключены эти феномены, оставаясь открытыми для человека и всегда существующей целостности человечества, для всеобъемлющего, которое несет в себе то, что при всем своем великолепии есть лишь явление в мире явлений.

* * *

Притязание на идею единства остается. Всеобщая история стоит перед нами как задача.

а) Остается возможность хотя бы «обозреть» все происходящее в мире людей. В альтернативе - рассеянное изолированное существование или значительная централизация - мы не принимаем ни одну из этих крайностей и обращаемся к поискам в мировой истории, соответствующей фактическим данным конструктивной упорядоченности. И если в каждой конструкции исторического единства знание всегда и сочетается с бездной незнания, тем не менее, идея единства позволяет открыть путь к упорядочению.

б) Это единство находит свою опору в замкнутости нашей планеты, которая в качестве пространства и почвы едина и доступна нашему господству, затем в определенности хронологии единого времени, пусть она и абстрактна, наконец в общем, происхождении людей, которые относятся к одному роду и посредством этого биологического факта указывают на общность своих корней?

в) Существенная основа единства состоит в том, что люди встречаются в едином духе всеобщей способности понимания. Люди обретают друг друга во всеобъемлющем духе, который полностью не открывает себя никому, но вбирает в себя всех. С наибольшей очевидностью единство находит свое выражение в вере в единого Бога.

г) Идея единства конкретно присутствует в осознании универсальных возможностей. Открытость такого отношения усиливает представление, что все может иметь значение для всего, вызывает интерес одним тем, что оно существует. Мы живем в осоз-

267

нании пространства, в котором нет ничего безразличного, которое открывает перед нами дали как нечто, имеющее к нам непосредственное отношение, и вместе с тем указывает нам на настоящее как на решение о пути, которым следует идти. Обращаясь к самому началу, никогда не проникая при этом к истокам и глядя в будущее, всегда остающееся незавершенным, мы видим возможности непонятной для нас целостности таким образом, будто единство целого открывается в необходимости выполнить задачи, которые ставит перед нами настоящее.

д) Если мы и не располагаем устойчивой, законченной картиной целого, то у нас есть формы, в которых мы видим отражения целого.

Эти формы таковы: История рассматривается в рамках ценностной иерархии, в ее истоках, в ее решающих этапах. Действительное членится в соответствии с тем, что существенно и что несущественно.

История подчинена тому целому, которое сначала называли Провидением, а позже мыслили как закон. Даже если эта идея целого неверно фиксирована, она останется пограничным представлением того, что не может быть увидено, но внутри которого мы видим; что не может быть планировано нами, но внутри чего нам надлежит планировать: история как целое единична, собственно исторична, а не есть просто явление природы. Остается идея упорядоченности целого, в котором все имеет свое принадлежащее ему место. Это не просто случайное многообразие, но все свойства случайного включены в одно великое основное свойство истории.

* * *

Для объяснения единства мы, со своей стороны, предложили схему мировой истории, которая, как нам кажется, в наши дни наиболее соответствует требованиям открытости, единства и эмпирической реальности. В нашем изображении мировой истории

мы пытались обрести историческое единство посредством общего для всего человечества осевого периода.

Под осью мы понимаем не сокровенные глубины, вокруг которых постоянно вращаются явления, расположенные на поверхности, не то, что, будучи само вневременным, объемлет все времена, скрытые облаками настоящего.

Напротив, осью мы назвали эпоху примерно середины последнего тысячелетия до н. э., для которой все предшествующее было как бы подготовкой и с которой фактически, а часто и вполне сознательно соотносится все последующее. Мировая история человечества обрела здесь свою структуру. Эту ось мы не можем считать единственной и раз навсегда данной, но это - ось всей предшествующей нашему времени краткой истории мира, то, что в сознании всех людей могло бы являть собой основу их единодушно признанного исторического единства. В этом случае реальное осевое время - воплощение той идеальной оси, вокруг которой движется объединенное человечество.

268

4. Выводы

Мы пытаемся постигнуть единство истории в образах целого, в которых историчность человечества выступает в качестве эмпирически обоснованных структур; при этом основным фактором остается безграничная открытость будущего и краткость начала: мы только начинаем. История для будущего фактически бесконечна, в качестве прошлого она - открытый интерпретации беспредельный мир смысловых соотношений, которые, во всяком случае иногда, как будто сливаются во все расширяющемся общем смысловом потоке.

Тема данной книги - не одна из общих категорий, не исторические законы, а проблема единства истории в его фактическом, зримом, единичном образе, который не есть закон, но составляет тайну истории. Этот образ мы называем структурой истории. Мы видим свою задачу в том, чтобы постигнуть ее как духовную действительность человеческого бытия в определенных пространственно-временных рамках.

Интерпретирующее рассмотрение становится моментом воли. Единство становится целью человека. Изучение прошлого соотносится с этой целью. Оно сознательно используется в качестве примера мира в едином мире, устанавливаемого посредством правового порядка для устранения нужды и завоевания счастья по возможности для всех.

Однако эта цель предполагает лишь создание общей для всех основы существования. Единство условий для всех человеческих возможностей было бы, правда, чрезвычайно важно, но это - не конечная цель, а тоже только средство.

Мы ищем единство на более высоком уровне - в целостности мира человеческого бытия и созидания. Стремясь к этому, мы обретаем единство предшествующей истории посредством выявления того, что касается всех людей, существенно для всех.

Однако значение этого может открыться только в динамике человеческого общения. В притязании на безграничную коммуникацию находит свое выражение взаимосвязь всех людей в возможном понимании. Однако единство не исчерпывается познанным, сформулированным, целесообразным или образом цели, оно заключено во всем этом лишь тогда, если в основе всего лежит коммуникация человека с человеком. Теперь возникает последний вопрос.

Состоит ли единство людей в их единении в рамках общей веры, в объективности того, что всем представляется истинным в мысли и вере, в организации одной вечной истины посредством глобального авторитета?

269

Или же единство, доступное нам, людям, в своей истине - только единство в коммуникации наших многообразных исторических истоков, сопричастных друг другу, но не тождественных в явлении мысли и символа, единство, которое в своем многообразии

скрывает единое, то единое, которое может сохранить свою истинность только в воле к беспредельной коммуникации в качестве бесконечной задачи, которая стоит перед не знающими завершения человеческими возможностями?

Все утверждения о совершенной чуждости людей, о невозможности взаимопонимания - не что иное, как выражение разочарованности, усталости, отказ от выполнения настоящего требования человеческой природы, возведение невозможности данного момента в абсолютную невозможность, угасание внутренней готовности (33).

* * *

Единство истории как полное единение человечества никогда не будет завершено. История замкнута между истоками и целью, в ней действует идея единства. Человек идет своим великим историческим путем, но не завершает его в реализованной конечной цели. Единство человека - граница истории. А это значит: достигнутое завершённое единство было бы концом истории. История - движение под знаком единства, подчиненное представлениям и идеям единства.

Согласно подобным представлениям, единство выражается в следующем: человечество, по-видимому, возникло из единых истоков, выйдя из которых оно развивалось в бесконечной изолированности, а затем стало стремиться к воссоединению. Однако это общее происхождение - в своем эмпирическом обосновании - погружено во мрак. Повсюду, где мы видим людей, они рассеяны и различны как индивидуумы и как расы; мы видим множество культур на разной стадии развития, различное их возникновение, которому, несомненно, уже предшествовало неведомое нам существование человека. Единство ведет нас за собой в качестве представления о некоем образе, завершённом во взаимности множества людей. Однако подобные представления всегда неопределенны.

Представления о единстве обманывают, если они выступают как нечто большее, чем символы. Единство в качестве цели - беспредельная задача; ведь все становящиеся для нас зримыми виды единства - частичны, они - лишь предпосылки возможного единства или нивелирование, за которым скрывается бездна чуждости, отталкивания и борьбы.

Завершённое единство не может быть выражено ясно и непротиворечиво даже в идеале. Такое единство не может обрести реальность ни в совершенном человеке, ни в правильном мироустройстве или в проникновенном и открытом взаимопонимании и согла-

270

сии. Единое - это бесконечно далекая точка соотнесения, одновременно истоки и цель; это - единство трансцендентности. В качестве такового оно не может быть уловлено, не может быть исключительным достоянием какой-либо исторической веры, которая могла бы быть навязана всем в качестве абсолютной истины.

Если мировая история в целом движется от одного полюса к другому, то происходит это таким образом, что все, доступное нам, заключено между этими полюсами. Это --- становление единств, преисполненные энтузиазмом поиски единства, которые сменяются столь же страстным разрушением единств.

Так, глубочайшее единство возносится до невидимой, религии, достигает царства духов, которые встречаются друг с другом и принадлежат друг другу, тайного царства открытости бытия в согласии душ. Напротив, историчным остается движение между началом и концом, которое никогда не приходит к тому, что оно, по существу, означает, но всегда содержит его в себе.

(1) Непреходящее значение для философии истории имеют работы Вико, Монтескье, Лессинга, Канта, Гердера, Фихте, Гегеля, Маркса и Макса Вебера. Обзор литературы дан в следующих работах: Thyssen S. Geschichte der Qeschichtsphilosophie. B., 1936; Rocholl R. Die Philosophie der Geschichte. Bd 1. Gottingen, 1878.

(2) *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. Munchen, 1923; Weber A. Kulturgeschichte als Kultursociologie. Leiden, 1935; Weber A. Das Tragische und die Geschichte. Hamburg, 1943; Weber A. Abschied von der bisherigen Geschichte. Harnburg, 1946; Toynbee A. A study of history. L., 1935.

(3) *Тойнби* осторожен в своих прогнозах. Он прорывает или обволакивает нарисованную им картину христианским воззрением. В принципе, согласно его теории, культура может продолжать существовать, не приближаясь к гибели. На нее не распространяется слепая необходимость биологического старения и смерти. То, что произойдет, зависит отчасти от свободы человека. Иногда помогает Бог.

Шпенглер настаивает на том, что он первый, по его мнению, методически разработал исторический прогноз с достоверностью астронома. Многие находят в его концепции аргументы, подтверждающие то, что они уже смутно ощущали сами. Его проникновенной картине, где переливающиеся в игре своих граней отношения колеблются между произвольными построениями и убедительностью, его диктаторской убежденности можно противопоставить два принципиальных возражения:

Во-первых, интерпретация с помощью символов, сравнений и аналогий действительно в ряде случаев помогает характеризовать «дух», общее настроение; однако ей, как и всякому определению с помощью физиогномического метода, свойствен тот недостаток, что в ней реальность не методически познается, а интерпретируется в своей бесконечности на основе возможностей. Тем самым нарушается столь претенциозно выдвинутая идея «необходимости» того, что происходит. Смена морфологических форм постигается в рамках каузальности, смысловая очевидность как реальная необходимость развития. Там, где Шпенглер дает больше чем характеристику явлений, он методологически несостоятелен. Если в его аналогиях подчас заключены подлинные проблемы, то ясность они обретают не в физиогномическом видении как таковом, а лишь в том случае, если данное утверждение может быть проверено исследованием каузальных связей и конкретных свойств явления. Интуиция, якобы позволяющая всегда ухватить в особенном целом, должна быть превращена в определенность, которая может быть обоснована, а при этом приходится отказываться от проникновения в целое.

Тогда прекращается субстанциализация и гипостазирование культурных целостностей. Существуют лишь идеи относительного духовного целого и схемы подобных идей в идеально-типических конструкциях. Посредством этих идей и схем можно, опираясь на определенные принципы, установить связь между многообразными явлениями. Однако сами эти идеи всегда остаются внутри всеобъемлющей целостности и не могут полностью ощутить эту целостность как некое тело.

Во-вторых, в противовес шпенглеровскому абсолютному делению на изолированные, параллельно существующие культуры следует указать на их эмпирически выявляемые соприкосновения, влияния, заимствования (буддизм в Китае, христианство на Западе), которые, по Шпенглеру, ведут только к нарушениям и псевдоморфозам, а в действительности указывают на лежащую в их основе общность.

Правда, понять, что такое эта общность основы,- задача бесконечная как в аспекте познания, так и практического осуществления. Каждое определенным образом выявленное единство - например биологический тип, общезначимое рассудочное мышление, общие) черты человеческой природы - не есть единство как таковое. Предположение, что человек потенциально повсюду один и тот' же, столь же верно, как и противоположное, что человек повсюду различен, что он дифференцирован вплоть до особенностей отдельных индивидуумов.

Единство обязательно должно быть связано со способностью понимать друг друга. Шпенглер это отрицает: различные культуры, утверждает он, в корне различны, друг для друга непостижимы. Мы, например, не понимаем древних греков.

Этому параллельному существованию вечно чуждого друг Другу противостоит возможность и отчасти реальность взаимного понимания и заимствования. Все, что люди мыслят, делают и создают, все это затрагивает всех, в конечном счете речь идет об одном и том же.

(4) *Lasulx E.* Neuer Versuch einer alten Philosophie der Geschichte. Wien, 1952. S. 137.

(5) *Laotse.* Der Weg der Tugend. Hrsg. von V. Strauss. Leipzig, 1870. S. LXIV.

(6) *Mayer E.* Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1884. Bd. 1. Teil 2. S. 935.

(7) *Lasaulx E.* Op. cit. S. 137.

(8) *Laotse.* Op. cit. S. LXIV.

(9) *Keyserling H.* Das Buch vom Ursprung. Baden-Baden, 1947. S. 151.

(10) *Weber A.* Kulturgeschichte als Kultursociologie. Leiden, 1935.

(11) *Portmann A.* Biologische Fragmente zu einer Lehre vom Menschen. Basel, 1944; id. Vom Ursprung des Menschen. Basel, 1944. См. также мою работу: Jaspers / Der philosophische Glaube. Munchen. 1948. (См. настоящее издание, «Философская вера». Прим. ред.)

(12) Сходную картину нарисовал Альфред Вебер. Он относит великие культуры древности - египетскую и вавилонскую - вместе с поныне существующими культурами Китая и Индии к одному типу первичных, остающихся неисторическими, магически связанных культур, которым противостоят вторичные, существовавшие только на Западе культуры.

Основная идея, согласно которой производится деление на первичные и вторичные культуры, безусловно, указывающая на действительное положение дел, тем не менее не представляется нам убедительной. Вторичной была уже вавилонская культура по отношению к шумерийской, индоарийская по отношению к доарийской и, вероятно, новые вторгшиеся в Китай народы также заимствовали его культуру, вместе с тем преобразуя ее.

Уж совсем неубедительно, по нашему мнению, применение упомянутого деления к Китаю и Индии, с одной стороны, западному миру - с другой. Осознав духовный размах и глубину осевого времени, нельзя принять эту параллель: Египет, Вавилон, Индия, Китай - и противостоящий им всем Запад с его греко-иудейской основой в качестве единственно новой культуры. Напротив, осевое время охватывает также мир Индии и Китая.

Культуры Китая и Индии, известные нам, вышли из осевого времени, они не первичны, но уже вторичны, как и Запад; что же касается Египта и Вавилона, то там изменения были так же ничтожны, как в древних культурах Индии и Китая (о которых мы имеем столь незначительные данные, что можем быть уверены только в их существовании; но мы отнюдь не представляем себе их культуру с такой отчетливостью, как культуру Египта и Вавилона). Поэтому Китай и Индию в целом нельзя считать наряду с Египтом и Вавилоном первичными культурами. Китай и Индия и первичны и вторичны по своей культуре. На ранней стадии своего развития они могут быть приравнены к первичным культурам, а позже, после призыва осевого времени, они составляют параллель вторичным культурам Запада. Параллель между Египтом и Месопотамией, с одной стороны, Индией и Китаем, с другой, закономерна лишь для фактически одновременных периодов и истории. Начиная с осевого времени, Китай и Индия уже не могут быть поставлены в один ряд с великими культурами древности - по своему смыслу они служат параллелью осевому времени Запада. Египет и Вавилон не знали осевого времени.

Историческая конструкция Альфреда Вебера отправляется от следующего принципа: «Показать, как в рамках развития в целом формировались и сменяли друг друга замкнутые культуры». Поэтому он решительно выступает против оперирования эпохами, которые он считает «лишенными содержания перспективами». Однако в силу своей свободной от всякой догматичности позиции и исторической проницательности он приходит к близким нам выводам. В его трудах есть место, которое кажется фрагментом из совершенно другой исторической концепции; мы приведем его в качестве подтверждения нашей точки зрения. Правда, это высказывание остается случайным в его общей концепции, и он не делает из него никаких выводов. Альфред Вебер пишет: «В период IX-VI вв. до н. э. три сложившиеся культурные сферы мира, переднеазиатско-греческая, индийская и китайская, странным образом почти одновременно и, по-видимому, независимо друг от друга пришли к универсальным по своей направленности поискам в области религии и философии, к общим ответам и решениям. Начиная с этого момента, с Зороастра, иудейских пророков, греческих философов, с Будды, Лао-Цзы и Конфуция, здесь синхронно разрабатывались интерпретации мира и воззрения, которые, будучи впоследствии развиты и преобразованы, систематизированы, возрождены или трансформированы и реформированы, в ходе их влияния друг на друга составили в своей совокупности мировую религию и философскую интерпретацию истории человечества, к религиозному аспекту которой с конца этого периода, т. е. с XVI в., ничего существенного нового добавлено не было» (Weber A. *Kulturgeschichte als Kultursoziologie*. Leiden, 1935. S. 7-8).

Интерпретация Альфредом Вебером воздействия народов-кочевников выявляет причину возникновения вторичных культур на Западе (того, что мы называем осевым временем), но одновременно и причину духовного преобразования в Китае и Индии, которые он, тем не менее, относит к первичным культурам.

Альфред Вебер описывает действительно глубокие изменения, которые произошли в это время в Индии и Китае и были, по существу, такими же коренными, как изменения в Западной Европе: в Индии - это первичная стадия буддизма, происходившее тогда преобразование магически-метафизического начала в этическое начало в джайнизме и учении Будды, а в Китае - это преобразование посредством буддизма. Однако Альфред Вебер считает несомненным, что магическое начало там вновь утверждается, что в этих странах речь идет не о «коренном преобразовании», а лишь об «ассимилировании» того вечного и неизменного, которое объемлет как Китай, так и Индию. Азию отличает от Запада, по его мнению, господство высшего неизменного начала.

Есть ли здесь действительно радикальное различие? Не заключено ли именно в этом нечто общее, постоянно грозящая всем нам опасность того, что, поднявшись до уровня немагического, человеческого, разумного, вознесясь, над демонами к Богу, мы, в конце концов, можем вновь пасть в бездну магии и демонологии?

(13) См.: *Jaspers K. Descartes und die Philosophie*. В., 1937.

(14) *Гегель Г. В. Ф. Философия религии*. М., 1976. Т. 1. С. 392-393.

(15) *Мильтон Дяс. Потерянный и возвращенный рай*. М., 1888. С. 277-278.

(16) *Гегель Г. В. Ф. Соч.* Т. 8. С. 22.

(17) Выявить подобные тенденции означает указать на некие возможности без уверенности в том, в какой мере эти тенденции могут быть осуществлены. Совсем иное, если технический мир в целом рассматривается как нечто до конца понятое - хоть как манифестация нового героического образа человеческого бытия, хоть как творение дьявола. Тогда демония техники субстантивируется как нечто подлинно

демоническое, и при таком истолковании значение труда либо превозносится, либо полностью отрицается, мир механизированного труда восхваляется или отвергается. В основе того и другого лежат причины, корнящиеся в механизированном труде. Однако в своей абсолютизации обе эти противоречивые возможности ведут к заблуждению. Именно такими они предстают перед нами в серьезных по своему общему значению трудах братьев Юнгеров.

Эрнст Юнгер в своей книге «Рабочий» {Junger E. Der Arbeiter. Hamburg, 1932} дал следующую пророческую картину мира техники: труд как тотальная мобилизация, завершающаяся материальной битвой; образ рабочего, непоколебимого в своей твердости; значение нигилизма, бесцельного, просто разрушающего. Юнгер рисует «рабочего» как будущего господина мира. Он стоит по ту сторону гуманности и варварства, индивидуума и массы. Труд - форма его жизни, он знает, что несет ответственность в рамках всей системы труда. Техника овеществляет все как средство власти. С помощью техники человек становится господином самого себя и господином мира. Новый человек, предстающий в образе рабочего, обретает черты окостенения. Он уже не спрашивает: почему и для чего? Он желает и верит, независимо от содержания этого желания и этой веры.

Фридрих Георг Юнгер (Junger F. G. Ober die Perfektion der Technik. Frankfurt a. M., 1944), напротив, дает безутешную, безвыходную картину техники: то элементарное, что подчинено техникой, распространяется вширь именно в технике. Рациональное мышление, само столь бедное элементарными силами, приводит здесь в движение огромные элементарные силы, но делает это посредством принуждения, с помощью враждебных насильственных средств. В индустриальном пейзаже, пишет Юнгер, заключено нечто вулканическое, в нем обнаруживаются все явления, связанные с извержением вулкана: лава, пепел, фумаролы, дым, газ, озаренные пламенем ночные облака и далеко распространяющееся опустошение.

Ф. Г. Юнгер оспаривает тезис, согласно которому техника освобождает человека от труда и увеличивает его досуг. Он, правда справедливо, указывает на то, что об уменьшении труда сегодня не может быть и речи. Однако в целом, конечно, неверно, что кажущееся уменьшение труда всегда, как он полагает, связано с ростом его в другом месте. Оспаривая тезис, будто техника увеличивает богатство, Юнгер совершает скачок в сферу иного «богатства», где утверждается, что богатство - это бытие, а не имущество. Нельзя также считать убедительным доводом то, что Юнгер неоправданно возлагает ответственность за рационализацию, совершаемую в условиях нужды (в частности, при разрушениях во время войны), на технику. Его описания современной организации общества, живущего в обстановке нужды, поразительно верны: эта организация не создает богатства, это просто способ распределить то, что сохранилось в сфере, где ощущается недостаток. Организация распределения в убыточном хозяйстве является последним, что остается в неприкосновенности, она становится тем могущественнее, чем более растет бедность. Сама эта организация погибает только тогда, когда распределять больше нечего. Подобные рассуждения должны безусловно относиться не к технике, а к пережитому нами ужасному феномену - к последствиям войны, которые ошибочно рассматриваются здесь как необходимые следствия техники.

Картины братьев Юнгеров противоположны по оценке техники, но сходны по типу мышления. Это - как бы подобие мифологического мышления: не знание, а образ, не анализ, а набросок видения, - однако все это дано в категориях современного мышления, и читатель легко может счесть, что перед ним результат рационального познания.

Отсюда односторонность и страстность авторов этих концепций. Они ничего не взвешивают, не привлекают никаких противоположных мнений, разве только избирательно, чтобы, опровергнув их, утвердить значимость своих слов.

Здесь - не трезвость знания, а эмоциональность, которая не преодолевается ни претензией на четкую и трезвую формулировку, ни холодными диктаторскими констатациями и оценками. Это позиция прежде всего эстетическая, которая основана на удовольствии, доставляемом продуктом духовного творчества; в работах Эрнста Юнгера это привело к литературным достоинствам высокого ранга.

В сущности говоря, такое мышление не создает ничего верного. Однако в беспочвенности нашего времени, когда рассудительность утеряна, методическое познание отвергнуто и люди отказались от основательного знания или поисков его на протяжении всей жизни, такое мышление полно искушений. Поэтому в тоне авторитарной решимости нет ничего действительно обязывающего читателя. В содержании книги, даже во всей позиции автора легко может произойти изменение; тип мышления остается, тема, мнение и цель меняются.

(18) О массе см.: Le Bon G. Psychologie de foules. P., 1899; Ortega y Gasset. La rebelion de las masas. Madrid, 1929 (в рус. пер. - Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3-4. - Прим. ред.).

(19) Groot I. I. de. Universismus. B., 1918. S. 383-384.

(20) Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897. С. 340.

(21) Burkhart I. Weltgeschichtliche Betrachtungen. Bern, 1941. S. 218.

(22) Id. Briefe. Hrsg. von F. Kaphahn. Leipzig, 1935. S. 348.

(23) Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Leipzig, 1910. S. 19-20.

(24) См. с. 197-198 настоящей работы.

(25) Все то, что я излагаю в тексте, не могло бы стать мне ясным без знакомства с проникновенным пониманием этого Х. Арендт. (Arendt H. Sechs Essays. Heidelberg, 1948).

(26) О тотальном планировании см: Lipmann W. An Inquiry into the Principles of the Good Society. Boston, 1937; Hayek F. A. The Road to Serfdom. Chicago, 1944; Ropke W. Die Gesellschaftskrise der Gegenwart. Zurich, 1942.

(27) Липман У. и Хайек Ф.Э. полностью раскрыли проблему тотального планирования. По Липману, следствия тотального планирования могут быть сформулированы в нескольких фразах: С ростом плана уменьшается гибкость и приспособляемость экономики. Попытки предотвратить нужду и анархию с помощью тотального планирования в действительности увеличивают то и другое. Насилие, направленное на преодоление хаоса, вызывает лишь еще больший хаос.

Давление, осуществляемое организацией, перерастает в террор, ибо взрыв назревающего недовольства может быть предотвращен лишь постоянно усиливающимся давлением. Тотальное планирование связано с вооружением и войной, это холодная война, вызванная прекращением свободного общения между странами.

Тотальное планирование проникает в мельчайшие группы населения. Растет тенденция ставить всему пределы, бесцеремонно проводить разного рода частные решения посредством применения политической силы.

Эти тенденции планового хозяйства действуют и помимо желания активно участвующих в нем лиц; они усиливаются, так как коренятся в природе вещей. В плановом хозяйстве заключены тенденции, которые, выходя за его рамки, ведут к изменению всего человеческого существования, даже его духовного мира, тенденции, скрытые от тех идеалистов, которые начали борьбу за планирование. Хайек дал этим тенденциям следующую убедительную характеристику:

1. Плановое хозяйство уничтожает демократию. Если демократия есть правление и контроль над ним посредством парламента, дискуссии и решения большинства, то демократия возможна только там, где задачи государства ограничены областями, в которых решения принимаются большинством в ходе свободной дискуссии. Парламент не может контролировать тотальное планирование. Вероятнее всего, что в этих условиях он самораспустится, приняв закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий.

2. Плановое хозяйство разрушает правовое государство. Правовое государство функционирует на основе законов, неизблемых даже при диктатуре большинства, так как отменить их можно только законодательным путем, а на это нужно время, в течение которого данное большинство может быть подвергнуто контролю со стороны другого большинства. Тотальное планирование, напротив, нуждается в господстве посредством директив, постановлений, полномочий, которые принимают вид некоей легальности, но, по существу, основаны на неконтролируемом произволе бюрократии и тех, кто стоит у власти и допускает любое изменение.

Правовое государство защищает от произвола стоящего у власти большинства, абсолютная значимость которого основана только на результате демократических выборов. Однако такое большинство может быть столь же своевольным и диалектичным в своих действиях, как и отдельные индивидуумы. Не истоки правительственной власти, а ее ограничение предотвращает произвол. Это происходит посредством ориентации на твердые нормы, которым в правовом государстве подчинена и государственная власть. Напротив, тотальное планирование апеллирует к большинству массы, которая, голосуя, даже не знает, какое решение она, собственно говоря, принимает.

3. Плановое хозяйство ведет к абсолютной тотальности. Представление, что авторитарное управление можно ограничить сферой экономики, - не более чем иллюзия. Не существует чисто экономических целей. Завершение тотального планирования ведет к отмене денег, этого орудия свободы. Если вознаграждение за труд будет производиться не в деньгах, а в форме публичных наград, привилегий, должностей, предоставляющих власть над другими, в виде лучших жилищных условий, лучшего питания, возможности путешествовать или получать образование, то это сведется к тому, что вознаграждаемый будет лишен права выбора, а вознаграждающий будет устанавливать не только степень вознаграждения, но и его конкретную форму (Hayek F. Op. cit. P. 90). Вопрос заключается в том, «будем ли мы сами решать, что более и что менее важно для нас, или предоставим это ведомству по экономическому планированию» (Hayek F. Op. cit. P. 91).

4. Тотальное планирование так влияет на отбор правящей элиты, что у власти оказываются люди, лишенные каких-либо выдающихся дарований. Тоталитарная дисциплина требует однообразия. Его легче всего найти на низших уровнях нравственной и духовной жизни. Самый низкий общий знаменатель охватывает наибольшее число людей. Преимущество отдается послушным и легковверным, чьи смутные представления легко могут быть изменены в должном направлении, чьи страсти легко могут быть возбуждены. Легче всего сойтись в ненависти и зависти. Особенно пригодны здесь люди прилежные, дисциплинированные, энергичные и беспощадные, которые любят порядок, добросовестно выполняют свои обязанности, беспрекословно повинуются начальству и постоянно готовы жертвовать собой и проявить физическую смелость. Непригодны в этих условиях люди терпимые, относящиеся с уважением к другим и к их мнениям, духовно независимые, негибкие, способные отстаивать свои убеждения и перед начальством, те, кто обладает гражданским мужеством, кто готов помочь слабым и больным, кто отвергает и презирает голую силу, - эти люди живут, сохраняя прежнюю грацию личной свободы.

5. Тотальное планирование нуждается в пропаганде и достигает того, что истина исчезает из общественной жизни. Люди, используемые в качестве средств, должны верить в цели. Поэтому соответственно направляемая пропаганда является необходимым жизненным условием тоталитарного режима. Сообщения и воззрения заранее препарируются. Уважение к истине, более того, само понимание истины должны быть уничтожены Теорией, которые отвечают требованиям, и назначение которых состоит в том, чтобы служить постоянному самооправданию и исключать все остальные теории, неизбежно должны парализовать духовную жизнь. Тотальное планирование начинается с разума, пытаясь предоставить ему полное господство, а кончается тем, что уничтожает разум. Все дело в том, что здесь не был понят процесс, от которого зависит влияние разума и который сводится к взаимодействию индивидуумов, обладающих различными законами и высказывающих различные мнения.

6. Тотальное планирование уничтожает свободу. «Основанное на свободной конкуренции рыночное хозяйство - единственная экономическая и общественная система, направленная на то, чтобы посредством децентрализации довести до минимума власть человека над человеком» (Hayek F. Op. cit. P. 145). «Преобразование экономической власти в политическую ведет к тому, чтобы превратить власть всегда ограничиваемую в такую, от которой нельзя уйти» (Ibid.). Для того чтобы тотальное планирование могло сохранить себя на своем губительном пути, оно должно уничтожить все то, что ему угрожает: истину, т. е. свободную науку и свободное слово писателя, справедливое решение, т. е. независимость суда, открытую дискуссию, т. е. свободу прессы.

Липман и Хайек выявили, как нам кажется, такие связи, доказать несостоятельность которых с помощью достаточно веских контраргументов нелегко. Опыт нашего времени и идеально типические конструкции сочетаются в этой картине, которую каждый современный политический или государственный деятель должен постоянно иметь перед глазами хотя бы как возможность.

(28) Попытка непосредственно осуществить справедливость силой создает такие условия, при которых невозможно сохранить даже самую элементарную справедливость.

(29) Исайя 2,4.

(30) О марксизме, психоанализе и расовой теории см. мою работу: Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. В., 1931. (См. наст. издание «Духовная ситуация времени».- Прим. ред.) Эту раннюю работу я рассматриваю как дополнение к настоящей книге. Та, ранняя, была задумана вне исторических рамок, эта, более поздняя, - исторична по своему характеру. Обе относятся к современности.

(31) Гегель Г. В. Ф. Соч. М.; Л., 1934. Т. 7. С. 17-18.

(32) Но и то, что в истории природы необратимо, окончательно, единично, не содержит в себе того, что мы называем историчностью в мире людей.

Человеческая история обретает смысл лишь из «историчности экзистенции». В основе ее лежат процессы, аналогичные процессам, происходящим в мире природы. Однако эта основа не есть ее сущность.

Объективирующие категории естественных процессов неприменимы для понимания бытия духа и экзистенции человека, для постижения, которых нужны принципиально иные объективирующие категории.

По вопросу об «историчности» см. мою работу: Jaspers K. Philosophie. В., 1932. Bd. 2. S. 118-119.

(33) Речь идет о величайшей полярности - католицизм и разум. См. мою работу: Jaspers K. Von der Wahrheit. Munchen, 1948. S. 832-868.

КОММЕНТАРИИ

Первая часть. Мировая история

С. 29. Августин Блаженный Аврелий (354-430) - христианский теолог и церковный деятель, главный представитель западной патристики. В рамках своей серии «Великие философы» Ясперс посвятил Августину и его учению большую работу.

С. 30. Ранке (Ranke) Леопольд фон (1795-1886) - немецкий историк. Занимался преимущественно политической историей Западной Европы XVI-XVII вв.

Гельмольт (Helmolt) Ганс Фердинанд - немецкий историк, автор 8-томного труда «Die Weltgeschichte» (1899-1907).

Марафон и Саламин - при Марафоне (Греция) в 490 до Р. Х. греки одержали победу над персами в одном из главных сражений греко-персидских войн (500-449 до Р. Х.). Саламин - остров в Эгейском море. В битве при Саламине греческий флот одержал победу над персидским в 480 до Р. Х.

Шпенглер (Spengler) Освальд (1880-1936) - немецкий философ, представитель «философии жизни». Известность пришла к нему после сенсационного успеха книги «Закат Европы» (1918-1922), в которой он рассматривал культуру как некий «организм», обладающий внутренним единством, обособленный от других, подобных ему «организмов», и проходящий в своем развитии определенный «жизненный цикл».

Тойнби (Toynbee) Арнольд Джозеф (1889-1975) - английский историк и социолог. Вслед за Шпенглером в своем «Исследовании истории» (1934-1961) Тойнби представил общественно-историческое развитие человечества как совокупность замкнутых циклов развития локальных цивилизаций.

С. 31. Вебер (Weber) Альфред (1868-1958) - немецкий экономист и социолог (брат Макса Вебера).

С. 32. *Конфуций* (Кун-цзы) (551-479 до Р. Х.) - древнекитайский философ, основатель конфуцианства. *Лао-цзы* (по-китайски - «старый учитель», собственное имя - Ли Эр) (р. в 604 до Р. Х.) - древнекитайский легендарный основатель даосизма. Ему приписывается составление книги «Дао де цзин». *Мо-цзы* (Мо-ди) (480-438 (381) до Р. Х.) - древнекитайский мыслитель, политический деятель, основатель моизма.

Чжуан-цзы (369-286 до Р. Х.) - древнекитайский философ, один из основателей даосизма, автор значительной части трактата «Чжуан-цзы».

Ле-цзы (Ле Юйкоу) (6-4 вв. до Р. Х.) - древнекитайский мыслитель, представитель даосизма.

Упанишады (санскр.- «сокровенное знание») - заключительная часть Вед, памятника древнеиндийской литературы конца II - начала I тыс. до Р. Х. Упанишады являются основой всех ортодоксальных (принимавших авторитет Вед) религиозно-философских систем Индии.

Будда (санскр. букв.- «просветленный») - имя, данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме Шакья-Муни (623-544 до Р. Х.). Будде и его учению Ясперс посвятил очерк в своей серии «Великие философы».

С. 33. *Заратустра* (Зороастр) - пророк и реформатор древнеиранской религии, жил ок. X -VII вв. до Р. Х.; призывал к установлению сильной власти и мира. Для его религии характерен дуализм добра и зла; человеку вменялось в обязанность кроме соблюдения обрядов вести праведный образ жизни.

Илия - иудейский пророк времен израильского царя Ахава (с 918 до Р. Х.).

Исайя - иудейский пророк VIII-VII вв. до Р. Х., непримиримый обличитель отпадающего от Бога народа. Дал потрясающее описание «мужа скорбей», искупителя грехов человечества, в котором христианская традиция признала пророчество об Иисусе Христе: «Но он изъязвлен был за грехи наши, и мучим за беззакония наши; наказания мира нашего было на нем и ранами Его мы исцелились». (Исайя 53, 5). Поэтому Исайю называют евангелистом Ветхого Завета. Предание говорит, что в царствование Манассии Исайя был перепилен (Евр. 11, 37).

Второисайя - иудейский пророк, которому приписывается авторство 40-48 глав «Книги Исайи», написанных ок. 538 до Р. Х.

Иеремия - иудейский пророк, которому приписываются в Библии две книги: «Книга пророка Иеремии», «Книга Плач Иеремии» (принадлежность «Послания Иеремии» тому же автору сомнительна). Пророчествовал с 627 до Р. Х. до разрушения Иерусалима в 588 до Р. Х.

Гомер - легендарный древнегреческий эпический поэт, которому со времен античности приписывается авторство «Илиады», «Одиссеи» и других произведений.

Парменид из Элеи (согласно Платону, р. ок. 515 до Р. Х.) - древнегреческий философ, основатель элейской школы.

Гераклит из Эфеса (ок. 520 - ок. 460 до Р. Х.) - древнегреческий философ, представитель ионийской школы.

Платон Афинский (427-347 до Р. Х.) - древнегреческий философ, родоначальник платонизма. Ясперс в своей классификации «Великих философов» включал Платона наряду с Августином и Кантом в число тех мыслителей, которые «основывают философию и всегда продолжают порождать ее». В предисловии к работе, посвященной Платону и Августину, Ясперс пишет: «Их воздействие на дух того, кто стремится понять их, сравнимо по своему историческому влиянию только с влиянием систем Аристотеля, св. Фомы Аквинского, Гегеля. Но это влияние совсем другого рода. Воздействие философских систем есть воздействие школы, доктрины, предмета обучения. Творцы же порождают личностную мысль каждого из своих наследников» (Jaspers K. Les grand philosophes. P., 1967. Т. 1. Р. II. Р. 10).

Фукидид (ок. 460-400 до Р. Х.) - древнегреческий историк, автор «Истории» (в 8 кн.) - труда, посвященного истории Пелопонесской войны. Эта война (431- 404 до Р. Х.) представляла собой крупнейшую в истории Древней Греции войну между союзами греческих полисов: Делосским (во главе с Афинами) и Пелопонесским (во главе со Спартой).

Архимед (ок. 287-212 до Р. Х.) - древнегреческий ученый, автор работ по математике, статике, гидростатике, многих изобретений.

С. 34. *Медитация* (лат. meditatio - «размышление») - особое состояние духовной сосредоточенности. Играет важную роль в восточных философиях, в религиозных упражнениях.

Атман - одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма, индивидуальное духовное начало.

Нирвана - (санскр.- «угасание») - центральное понятие буддизма и джайнизма, означающее высшее состояние, цель человеческих стремлений, заключающаяся в освобождении от цепи перерождений.

Дао - (кит.- «путь», «метод», «закономерность», «истина») - одна из центральных категорий даосизма, означающая естественный закон, которому подчинены природа, общество, мышление и поведение отдельного индивида. Дао иногда сравнивают с гераклитовым логосом.

С. 35. Династия Чжоу - правящая династия в Китае в 1027-256 до Р. Х.

С. 36. ...аналогия между неудачами Конфуция при императорском дворе государства Вэй и Платона в Сиракузах. Конфуций разрабатывал свое учение об идеальном государстве в виде практических рекомендаций правителю. С 492 по 484 до Р. Х. он странствовал по государствам Древнего Китая, безуспешно пытаясь найти правителя, который следовал бы его советам. Ясперс, вероятно, допускает неточность, говоря об

императорском дворе государства Вэй, поскольку это царство было основано только в 403 до Р. Х. в результате раздела царства Цинь между родами Вэй, Чжао и Хань. По всей видимости, речь может идти о дворе главы рода Вэй.

Диоген Лаэртский пишет о Платоне: «В Сицилию он плавал трижды. В первый раз - затем, чтобы посмотреть на остров и на вулканы; тиран Дионисий, сын Гермократа, заставил его жить при себе, но Платон его оскорбил своими рассуждениями о тиранической власти, сказав, что не все то к лучшему, что на пользу лишь тирану, если тиран не отличается добродетелью. «Ты болтаешь, как старик», - в гневе сказал ему Дионисий. «А ты как тиран», - ответил Платон. Разгневанный тиран хотел поначалу его казнить, но Дион и Аристомен отговорили его, и он выдал Платона спартанцу Поллиду, как раз в это время прибывшему с посольством, чтобы тот продал философа в рабство... Во второй раз он ездил к Дионисию Младшему просить о земле и людях, чтобы жить по законам его Государства (т. е. согласно философской утопии Платона). Дионисий обещал, но не дал... В третий раз он ездил с тем, чтобы примирить Диона с Дионисием; но это ему не удалось, и он воротился восвояси ни с чем...» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 155-156).

С. 37. *«Разговор утомленного жизнью со своей душой»* - памятник древнеегипетской литературы эпохи Среднего царства (от II тыс. до XVI в. до Р. Х.). *Вавилонские покаяния* имеются в виду покаянные псалмы III тыс. до Р. Х., входящие в состав вавилоно-ассирийской религиозной лирики. В них человек сетует на свою судьбу и на свои бедствия, кается в проступках и просит помощи у божества. Известны два вида таких псалмов - «Жалобы на флейте», в которых человек жалуется на войны и стихийные бедствия, и «Жалобные песни для успокоения сердца», главный мотив которых - одиночество, личное горе, осознание вины, чувство покинутости божеством.

Эпос о Гильгамеше - эпическая поэма конца III - начала II тыс. до Р. Х. о легендарном правителе города Урука в Шумере (XXVIII в. до Р. Х.).

С. 39. Лазо (Lasaulx) Эрнст фон (1805-1861) -разрабатывал проблемы философии истории. Взгляды Лазо близки к концепции Шпенглера.

Царь Нума - Нума Помпилий, второй царь Древнего Рима (715-673/672 до Р. Х.); ему приписывается создание жреческих коллегий ремесленников, учреждение религиозных культов.

Ионийцы - древнегреческие философы VI-IV вв. до Р. Х., жившие в ионийских колониях Греции: Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит Эфесский, Диоген Аполлонийский.

Элеаты - древнегреческая философская школа VI-V вв. до Р. Х. Главные представители: Парменид и Зенон из Элеи, Мелисс Самосский.

Дорийцы - Ясперс имеет в виду ранних пифагорейцев, говоривших и писавших на дорическом диалекте: Пифагора, Архита, фантона и др.

С. 44. Майер (Mayer) Эрнст (1862-1932) - историк права, с 1887 г. профессор университета в Вюрцбурге.

С. 45. Кайзерлинг (Keyserling) Герман (1880-1946) -немецкий писатель и философ.

С. 50. Вергилий Марон Публий (70-19 до Р. Х.) - великий римский поэт, традиционно сравниваемый с Гомером.

Август - Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до Р. Х.- 14 по Р. Х.), римский император с 27 до Р. Х. Провел важнейшие для государственного строя Рима реформы, основав новый вид монархии - принципат. Провозглашал лозунг мира и порядка, вел большое строительство.

Солон (640/635-ок. 559 до Р. Х.) -афинский архонт (высшее должностное лицо в древнегреческом полисе); в 594 провел реформы, способствовавшие ускорению ликвидации родового строя. Античные предания причисляли Солона к семи греческим мудрецам.

С. 53. *Прометеевская эпоха* - согласно древнегреческому мифу, титан Прометей научил первых людей ремеслам и дал им огонь, который украл для них из кузницы бога Гефеста.

С. 60. Бахофен (Bachofen) Иоганн Якоб (1815-1887) - швейцарский историк права.

С. 62. Портман (Portmann) Адольф (1897-1961) - швейцарский зоолог.

С. 66. Доместикация (от лат. domesticus - «домашний») - приручение диких животных.

Эвентуальный (от лат. eventus - «случай») - возможный при некоторых обстоятельствах.

С. 70. В «Критике практического разума» Кант пишет: «Моральный закон свят (ненарушим). Человек, правда, не так уж свят, но человечество в его лице должно быть для него святым. Во всем сотворенном все что угодно и для чего угодно может быть употреблено всего лишь как средство; только человек, а с ним каждое разумное существо есть цель сама по себе» (Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4 Ч. I. С. 414).

С. 71. *Грозный* (Hrozny) Бедржих (1879-1952) - чешский хеттолог.

С. 79. *Эпоха переселения народов* - условное название совокупности этнических перемещений в Европе IV-VII вв., главным образом, с периферии Римской империи к ее центру. В результате этого римская культура была практически уничтожена.

С. 80. *Эпоха Августа* - на время правления Августа приходится расцвет классической латинской литературы, опирающейся на греческие образцы (так называемый «золотой век»- Вергилий, Гораций, Овидий).

Каролингское возрождение - культурный подъем в империи Карла Великого и в королевствах династии Каролингов в VIII-IX вв. (в основном на территории современных Франции и Германии).

Оттоновское возрождение - культурные и государственные процессы, происходившие во времена правления Оттона I (912-973), Оттона II (955-983) и Оттона III (980-1002). Германский король Оттон I попытался возродить Римскую империю и в 962 стал императором так называемой Священной Римской империи германской нации, объединившей значительную часть европейских государств. При его дворе и дворе его последователей Оттона II и Оттона III трудились многие выдающиеся теологи, ученые и философы, изучавшие классическое наследие Римской империи.

Возрождение в узком значении этого слова, или Ренессанс - период в культурном развитии стран Западной и Центральной Европы (в Италии XIV-XVI вв., в других странах - конец XV-XVI вв.), переход от средневековой культуры к культуре Нового времени на основе возрождения античных традиций.

Ханьская эпоха - время правления китайской императорской династии Хань с 206 до Р. Х. - 220 по Р. Х. В это время конфуцианство обрело статус официальной идеологии, приобрело некоторые религиозные функции.

Сунская эпоха - время правления китайской императорской династии Сун (960-1279), в которое возникло неоконфуцианство как ответ на идейный вызов распространившихся в Китае даосизма и буддизма.

Гуманистическое движение в Германии 1770-1830 гг. - прусский неогуманизм, культурное движение, связанное с именами Х. Вольфа, Лессинга, Гете, Шиллера. В его рамках был сформирован новый тип образования, основанный на глубоком изучении античных источников, и провозглашен идеал всесторонне образованной личности. Концом этого периода служит начало июльской революции во Франции.

Возрождение санскрита в XII в. - В XII в. в Индии возникла литература на новоиндийском языке хинди, для которой санскрит и связанная с ним духовная традиция значили так же много, как для западноевропейской средневековой культуры латынь.

С. 81. *Кадеиш* - древний город на реке Оронт (близ современного города Хомс, Сирия), у которого в конце XIV - начале XIII в. до Р. Х. произошла битва между египетскими войсками Рамзеса II и хеттами.

Троецарствие (или Саньго) - период в истории Китая (220-265 или 220-280), получивший название по числу царств (Вэй, У и Шу), образовавшихся после распада в 220 империи Хань.

С. 82. *Цезарь Гай Юлий* (102/100-44 до Р. Х.) - римский полководец и диктатор (в 49, 48-46, 45 и с 44 до Р. Х. - пожизненно). С его именем (так же, как и с именем Августа) связывается эпоха военной мощи и успешных завоеваний Рима.

Перикл (ок. 490-429 до Р. Х.) - афинский стратег (главнокомандующий) в 444-429 до Р. Х., вождь демократической группировки. С его именем (как и с именем Солон) связывается эпоха реформ, время расцвета греческих полисов.

Дионисий Ареопагит, точнее Псевдо-Дионисий Ареопагит - христианский богослов V-VI вв., представитель поздней патристики. Тракаты и послания Псевдо-Дионисия Ареопагита написаны от имени персонажа «Деяний апостолов», члена Ареопага I в., обращенного в христианство проповедью апостола Павла. Автор этих трудов, традиционно приписывавшихся Дионисию Ареопагиту, не установлен. Большинство исследователей склонны идентифицировать его с Петром Ивером, епископом Маюмы.

С. 83. *Сципионы* - в Древнем Риме одна из ветвей рода Корнелиев, к которой принадлежали крупные полководцы и государственные деятели. В данном контексте речь идет о Публии Корнелии Сципионе Африканском Старшем (ок. 235 - ок. 183 до Р. Х.) и Публии Корнелии Сципионе Эмилиане Африканском Младшем (ок. 185-ок. 129 до Р. Х.), которых римская традиция изображает ревностными поклонниками эллинской культуры. Сципион Младший объединял вокруг себя писателей, стремившихся перенести на римскую почву греческую образованность и искусства (т. наз. сципионов кружок). В его окружении развивались и всесторонне обосновывались идеи о необходимости «возделывания» человека, воспитания его души и чувств, образования и привития, ему разносторонних интересов. Все это считалось необходимым для раскрытия подлинной сущности человека. Эти идеи впоследствии вдохновляли мыслителей Нового времени, получивших название гуманистов.

С. 86. *Орфики* - члены религиозно-философских, мистических сект Древней Греции, учение которых связано с именем героя сказания об аргонавтах Орфея, легендарного певца и музыканта. Орфизм учил, что в человеке злая титаническая природа соединена с божественным дионисийским началом.

Пифагореизм - религиозно-философское учение в Древней Греции VI-IV вв. до Р. Х., считавшее своим основателем Пифагора, создавшего в Кротоне религиозную общину, сосредоточенную на проблеме спасения. Он учил о метемпсихозе, очищении посредством познания музыкально-числовой структуры космоса, о дуализме души и тела. Как и в орфических общинах, пифагорейский союз имел несколько степеней посвящения своих членов в «тайные истины».

Третья часть. О смысле истории

С. 252. *Фома Аквинский* (1225/1226-1247) - философ и теолог, систематизатор схоластики на базе христианизированного аристотелизма.

Данте Алигьери (1265-1321) - итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка. В своей знаменитой поэме «Божественная комедия» ярко и глубоко выразил мировоззрение позднего средневековья.

С. 256. *Аменхотеп* (1419-1400 до Р. Х.) - имя фараонов Египта из XVIII династии. Имеется в виду Аменхотеп IV, который в борьбе с всевластием жречества отменил культ Амона-Ра, бывшего в то время

главным в египетской религии, и установил новый государственный культ единого бога Атона, взяв себе имя Эхнатон.

С. 263. *Янычары* (тур. букв.- «новое войско») - турецкая регулярная пехота, созданная в XIV в. Первоначально комплектовалась из пленных юношей, позже - путем насильственного набора мальчиков из христианского населения Османской империи.

С. 265. *Иоахим Флорский* (ок. 1132-1202) - итальянский мыслитель, развивший мистико-диалектическую концепцию исторического процесса, согласно которой мировая история делится на три эры, соответствующие Лицам Троицы. Каждая эра исчерпывает свое содержание в одной и той же последовательности этапов, в конце истории грядет царство справедливости.

Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь (1627-1704)-французский писатель, епископ. Создал концепцию исторического развития как осуществления божественного Провидения, как движения, направленного к определенной Богом цели.

Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим (1729-1781)-немецкий мыслитель эпохи Просвещения. Рассматривал историческое развитие как процесс постоянного совершенствования, восхождения ко все более высоким ступеням. Гердер (Herder) Иоганн Готфрид (1744-1803) - немецкий философ, критик, эстетик. Считал мировой исторический процесс единым органичным ростом человеческого общества, в основе которого наряду с национальным фактором лежат также природные условия и культурные традиции. Для всех этих мыслителей характерно понимание истории как направленного однолинейного развития, которое было выдвинуто иудаизмом и утверждалось христианством (в первую очередь, Августином) в борьбе с языческим толкованием истории как циклического развития, вечного чередования жизни и смерти.

С. 279. Хартман или Гартман (Hartmann) Эдуард (1842-1906)-немецкий философ, сторонник панпсихизма. Основой сущего считал абсолютное бессознательное духовное начало - мировую волю.

Пытается ли вавилонский бог повернуть развитие вспять - неясно, какого из вавилонских богов имел в виду Ясперс. Вероятнее всего, речь идет об индуистском боге Брахме, который, погружаясь в сон, прекращает жизнь мира.